

КУЗНЕЦОВ ПАВЕЛ

АРМИЯ
ВТОРОЙ
ЗВЕЗДНОЙ ИМПЕРИИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Павел Кузнецов

Армия Второй звёздной Империи

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кузнецов П.

Армия Второй звёздной Империи / П. Кузнецов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Всему учили молодого лейтенанта-штурмовика: и штурмовать укрепления, и махать силовой шпагой, и даже воспитывать подопечных солдат. Но оказалось, простая дорога к первому месту службы способна внести в стройные ряды мыслей и чувств имперского офицера форменный раздрай. Ведь против него встают не некие абстрактные пришельцы, а вполне реальные укреплённые чиновниками канцелярии, загадочные женские души, грязные помыслы пиратов, а в войсках уже поджидает солдатское раздолбайство и офицерское головотяпство. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Содержание

К читателю	6
Предисловие отставного офицера	7
Первое разочарование	9
Ахиллесова пята бюрократии	13
Обманчивый блеск высшего света	26
Хорошие и плохие	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Автор выражает глубочайшее почтение и всемерную благодарность всегдашним форумчанам Новой фантастики «Армейские байки». «Кирилл», «Kurok», «Дед», «Котыч» – знайте: автор вдохновлялся именно вашими воспоминаниями, служивые! Честь вам и слава!

Автор обложки художник Каторкина Дарья (Тантогна)

Иллюстрация написана специально для издания по авторскому заказу

К читателю

Уважаемый читатель! Книга основана на реальных событиях, каковые обязательно произойдут через несколько столетий, соответственно, и все её персонажи действительно будут существовать в обозримом будущем. По крайней мере, в этом меня заверил Раймон О'Террон, подлинный автор текста – и оснований сомневаться в его словах у меня нет. В самом деле: раз уж знаменитый звёздный адмирал оказался в далёком прошлом, почему бы ему не поделиться опытом со своими предками? Вон сколько книг превозносит просветительскую деятельность наших современников, попавших в другие времена и веси! Именно в таком духе высказался и сам адмирал после прочтения тоны современной фантастики. Но было и ещё одно, что заставило меня отнестись со всей серьёзностью к словам бывалого космического волка.

Мною лично было проштудировано множество форумов и книг, так или иначе связанных с современной армией. И могу сказать наверняка: многие ситуации, описываемые Раймоном, находят аналоги в современности! Это поразительно, но это так. Результаты этих изысканий представлены в последней главе книги, и каждый въедливый читатель легко сможет развеять свои сомнения. Но даже это ещё не всё.

Дело в том, что уже сейчас существуют книги, описывающие армию не в терминах «хорошо», «плохо», «смешно», «грустно», а с позиции социальной науки или высокой публицистики. Такие книги отмечают в армии нечто, неизживное в веках. Примером книг высокой публицистики можно считать «Кирзу» В. Чикунова и «Оружие возмездия» О. Дивова. Если же обратиться к отечественной классике, нельзя обойти стороной сочинения Александра Куприна, самыми яркими образчиками которых служат «Прапорщик армейский» или «Поединок». Примером социальной науки может стать исследование советских социологов С.А. Белановского и С.Н. Марзеевой о дедовщине в Советской Армии, а также книга самого автора этих строк «Исследование взаимоотношений в Российской Армии».

Уважаемый читатель, обращаясь к вам, я также хотел бы заранее извиниться – за матерные выражения, ненароком попавшие в текст книги. Уверен, к моим извинениям присоединится каждый военный. Шучу, конечно. Сначала я честно пытался вкладывать в слова героев высококультурные обороты, но встретил настолько ожесточённый отпор с их стороны, что вынужден был пойти на попятную. Оказалось, без мата передать смысл реплик солдат и офицеров просто невозможно! Оставалось либо допустить в книге мысленное общение героев, когда из мата остаётся лишь экспрессивная окраска самих мыслеобразов, либо исключить диалоги вообще, либо... сдаться на милость героев и читателей. Чтобы совсем уж не травмировать тонкую душевную организацию гражданских читателей, все матерные слова представлены первой буквой с многоточием. В любом случае, не судите строго: если Вам претит экспрессия матерных выражений, лучше вообще не читайте эту книгу, а заодно забудьте, что в обществе существует армия, большинство обитателей которой не ругаются матом, а разговаривают на нём.

Предисловие отставного офицера

Моё имя Раймон о`Террон, полный адмирал¹ Космического флота Второй звёздной империи. Да, империи сейчас уже нет, и человечество пытается вытравить саму память о ней из истории обитаемой вселенной. Но. Я имею право носить этот титул, даже после гибели империи, потому что 157 лет своей жизни посвятил Космическому флоту. И ничто в этом мире не заставит меня думать и считать иначе. Если хотите, я слишком упрям, слишком амбициозен, чтобы откреститься от своего прошлого. Я считаю, что ЗАСЛУЖИЛ ПО ПРАВУ носить это звание, а бумажка от Императора – всего лишь бумажка. Он сам это прекрасно понимал, когда её подписывал, все мои сослуживцы это понимали, и все мои враги. И уж тем более, бумажкой считаю постановление Конфедерации обитаемых планет о лишении меня всех титулов и званий. Наград они меня лишить не посмели, но даже если бы и посмели, для меня всё равно неизмеримо важнее награды, а те несколько десятков татуировок на теле, что кололи сослуживцы в разные периоды моей службы.

Любой уважающий себя военный думает так же, как и я. Просто потому, что ни один гражданский даже не поймёт тех душевных переживаний, той страшной ломки, через которые приходится пройти военному. Недаром даже отслужившие год-два призывники-резервисты потом всю жизнь вспоминают именно моменты армейской жизни, окрашенные в цвета ярчайших эмоций – настолько ярких, что память о них не стирается и за годы куда более ровной и сытой гражданской жизни.

Но всё это лирика. Я ни перед кем не желаю оправдываться, и книгу эту задумал не для оправданий, а лишь для того, чтобы показать, какой реально была армия Империи. Недавно мне в руки попала книга «Закат Империи» одного известного современного публициста (не буду называть его имени). Таких глупостей, какие он излагает на бумаге, мне, отставному военному, не приходилось слышать даже в армии, вообще говоря, очень богатой на всевозможные глупости. До прочтения этой книги я, наивный, полагал, что только в условиях армии человек может проявить свою подлинную глупость и низость. Но я ошибался. Оказывается, это вполне возможно и на гражданке.

Только невменяемый человек может с умным видом излагать о поедании имперскими солдатами своих врагов. А эта сцена, где звездолётчики, выстроившись на внешней палубе, показывают свои задницы объективам вражеского крейсера! Интересно, автор пробовал в безвоздушном пространстве оголить какую-либо часть тела от скафандра? Пусть попробует. Уверен, это гарантированно вылечит его от глупости. Кстати, именно так солдаты в армии лечились от глупости во все времена. У кого в руках взрывалась граната, кто умудрялся прострелить себе голову из ракетной установки, кого засасывало в вакуумный клозет...

В общем, я решил поучить автора уму-разуму на армейский манер. Надеюсь, когда моя книга выставит его на всеобщее посмешище, он перестанет писать книги и займётся чем-то более соответствующим его умственным способностям. Главное, чтобы он держался подальше

---

¹ Здесь сразу необходимо сориентировать читателя в воинских званиях Империи, потому что в дальнейшем они будут встречаться повсеместно. Самым низшим званием является солдатское звание рядовой, дальше следует ещё два солдатских звания: старший рядовой и младший командир (эмком). Младшие офицерские звания начинаются с лейтенанта, и далее идут старший лейтенант и высший лейтенант. Старший офицерские звания начинаются с командора, за которым, по аналогии с младшими, следуют старший командор и высший командор. Наконец, высшие офицерские звания уже более привычны нашему слуху и последовательно состоят из: контр-адмирала, вице-адмирала и полного адмирала. Не следует также забывать о параллельном званиям феномене воинской должности. Так, главный герой одно время будет находиться на должности старшины, обычно замещаемой солдатами. В войсковой части его ждёт знакомство с комендантом части – это тоже должность. Более подробно о системе воинских званий и должностей можно найти в книге автора «Исследование взаимоотношений в Российской Армии», глава «Соотношение воинской должности и воинского звания». Этот дуализм должности и звания в той или иной степени воспроизводится в любой армии по вполне объективным причинам.

от реальной армии: ведь там нужно думать и быстро ориентироваться в реальной боевой обстановке, а не в своих извращённых фантазиях.

С другой стороны, не ищите в этой книге некой бравурной военщины. Я никогда не умел лизать задницы, умащать красивыми словесами больших чинов, вести агитацию и бравурную пропаганду. Глубоко убеждён, что занятые этим делом реально даже не представляют, что такое настоящий патриотизм. Они изображают его каким-то слюнявым, глупым, пошлым. Он становится похож на изображение любви в музыке современной эстрады и в гало-сериалах. Думаю, каждый здравомыслящий человек знает, что такой любви нет в реальности. Но то, что такого патриотизма нет в реальности, знает только военный.

В общем, я покажу ту армию, какой она была реально, без скидок на обстоятельства. И хватит слов, пора переходить к делу.

Первое разочарование

Огромный светящийся шпиль Академии разрывал облака и, подобно ракете на старте, уходил в самую стратосферу. Это здание своим своим обликом подчёркивало избранность, устремлённость в будущее, душевный полёт обучающихся в его стенах молодых космических волчат. И сейчас оно светилось в глазах молодых выпускников ещё ярче обычного, дополняя торжественность момента – долгожданный Выпуск.

Юные космонавты, уже без пяти минут офицеры Космического флота Империи, стройными рядами выстроились на плацу. Иссиня-чёрные ряды лётчиков и навигаторов, жемчужные, нереально белые ряды техников, наконец, алые ряды звёздных штурмовиков. Особое очарование моменту придавало и то, что коробки построений стояли не просто по цветам – они стояли в последовательности цветов имперского флага.

В первом ряду красных, гордо выпрямившись, со светящимися глазами, стоял курсант Раймон Ванга. Хотя какой же он теперь курсант? До полноценного офицера оставался лишь один шаг – принятие присяги. Молодой человек уже воочию видел, как вот сейчас на плац перед космонавтами выйдет лично Император, чтобы послать своих сынов к новым свершениям.

Вот перед строем медленно проплыла, и замерла ровно по центру платформа антигравитации. Вот распорядитель Академии прямо с платформы гаркнул приветствие. Вот без малого две тысячи юных исполненных молодецкой силы глоток проорали в ответ. Сердце Раймона замерло. «Вот сейчас, ещё чуть-чуть, и Он появится перед нами», – думал курсант. Он так долго ждал этого момента, так долго к нему готовился; был уверен, что именно на него посмотрит Император, – сколько по этому поводу было споров с сослуживцами! А сколько драк! Молодые волчата хотели получить самую кроху монаршей ласки, готовы были принести себя в жертву только ради этой крохи. Они терпели чудовищное напряжение учебных будней, отсутствие родительской ласки, жестокость мужского коллектива с его давящей требовательностью и круговой порукой – всё это ради Него. Он олицетворял для юношей мудрость высшей власти империи, её честь, душу.

Первый из коробки красных взошёл на антигравитацию. Плечо к плечу рядом с ним встали один из чёрных и один из белых. Над огромной закованной в бетон площадью раздались три голоса, произносящие слова присяги. «Кому они присягают? Почему Его не показали сначала нам всем, ведь мы должны были Его поприветствовать! Кто-то ответит за это разгильдяйство!» – Множество самых сумбурных мыслей пронеслось в голове юноши прежде, чем пришёл его черёд выйти к антигравитации.

За шесть лет учёбы строевой шаг вошёл в плоть и кровь курсанта, но перед лицом Императора он всё равно боялся ошибиться в чём-то. Так всегда бывало перед ответственными событиями. Зная эту свою особенность, юноша всегда готовился к экзаменам «от сих до сих», никогда не оставлял невыученным даже самый банальный вопрос. Сейчас же его ждал экзамен всех экзаменов, и даже шести лет ему казалось ничтожно мало, чтобы с честью его выдержать. Но вот силовые лучи подхватывают его и поднимают на самую платформу: часть экзамена позади. Зато впереди... «Но это же не Он!» – только сейчас до юноши дошла простая и очевидная в общем-то истина: присягу принимал НЕ Император. Какой-то пожилой офицер, с уставшим, осунувшимся лицом. Его взгляд, которым тот встретил курсанта, был тусклым и невыразительным. Офицер словно говорил: я так устал, а тут ещё ты...

Только благодаря доведённым до автоматизма рефлексам Раймон не сбился при чтении текста, не сбился при выполнении строевых фигур на пути в строй. Молодой человек был буквально раздавлен. Сегодня, вместо праздника жизни, его впервые постигло разочарование в вооружённых силах Империи.

– Курсант Ванга, вы требуете невозможного, – распорядитель Академии уже истратил все остатки душевных сил, что ещё теплились после нескольких часов приёма присяги. Его ждала грандиозная пьянка с посланцами Императора, и он уже предвкушал блаженную алкогольную расслабленность, когда в его кабинете появился этот упёртый мальчишка. Двадцать минут он с совсем не юношеской настойчивостью отчитывал распорядителя «за клевету», как он выражался. Распорядитель испробовал уже все средства, чтобы отвязаться от курсанта. Он пробовал роль любящего отца, эдак проникновенно пытаясь выставить мальчишку. Он пробовал давить, даже кричал. Он не пробовал только одного: сказать правду, объяснить. При кажущейся простоте подобного решения на деле оно оказывалось трудно выполнимым. Распорядитель никогда не прибегал к честности со своими подопечными, посему для него было просто невыносимым скормить молодому человеку горькую пилюлю правды. Это противоречило бы всей системе обучения, всему тому, что день за днём, год за годом вдалбливалось в юные головы – слишком впечатлительные, отличающиеся максимализмом, не готовые к принятию неблагоприятной реальности. Уж лучше пусть молодые страдают положительным для общества максимализмом, нежели отрицательным, – так рассуждали учителя жизни в империи. Однако и у многоопытного учителя был предел терпения, и сейчас он, похоже, оказался исчерпан.

– Извините, лэр распорядитель, но я уже не курсант. Будьте добры, обращаться ко мне сообразно моему положению, – эта фраза стала для учителя последней каплей: волчонок посмел показать зубы старшему по званию! Мальчишка же ещё и припечатал напоследок. – И нет, лэр распорядитель, я требую только того, что положено мне по праву.

– Вы переходите все границы, курсант. Я буду вынужден вызвать комендантский взвод, – распорядитель тронул сенсор под столом.

– Не трудитесь, лэр распорядитель. Комендантский взвод блокирован в караулке – не только я желаю получить ответы.

– Да как вы смеете! Это бунт, прямое неподчинение приказам!

– Вы ошибаетесь, лэр распорядитель. Вы находитесь в Империи, где каждый офицер вправе призвать к ответу за свои слова любого обидчика. Вы же обманули нас, офицеров, в нашу бытность курсантами. Поэтому потрудитесь объясниться.

Распорядитель откинулся на спинку кресла, смахнул выступившую на лбу испарину. «Год от года с этой пропагандой становится всё сложнее, – думал учитель. – Скоро они начнут сначала бить, а затем разбираться. Ох уж эти молодые волчата». Он уже понял, что придётся всё объяснять, срывать покров с пропагандистской машины.

– Вас никто не обманывал, – он предпринял последнюю попытку вывернуться. – Никто и никогда не говорил о принесении присяги лично Императору. Если прочесть устав, там дословно сказано: «Каждый офицер обязан принести присягу Императору, только с этого момента он допускается к несению строевой службы». Император здесь – это сердце Империи, а с сердцем напрямую могут общаться только специалисты-медики. Остальные довольствуются общением с другими, специально предназначенными для этого органами.

– Не уходите от ответа, лэр распорядитель. Мне сложно даже подсчитать, сколько раз учителя говорили об Императоре, о его участии в каждом из нас, о его взгляде, постоянно обращённом к нам. Рассказывали разные истории о присяге, в которых присутствовал лично Император, – в чёрных зрачках курсанта при этих словах возник восторженный блеск, видимый без всяких детекторов. Но его восторг быстро перешёл в огонь холодной ярости. – Поэтому мы требуем ответа: почему Представители Императора? Кто в этом виноват? К вам я обращаюсь только потому, что вы, как справедливо было сказано, старший по званию в Академии. Нас же учили всегда спрашивать со старшего. И... лэр распорядитель, если вы ещё раз попытаетесь уйти от ответа словом, я вынужден буду призвать вас к ответу оружием.

Раймон Ванга уже не просто говорил. Он печатал слова. Это был верный признак крайней степени ярости волчонка, что не укрылось от намётанного взгляда учителя. Дальше уходить от ответов было опасно.

– Всё дело в традиции, лэр Ванга. Вам известно, сколько именно в империи Академий? Впрочем, уверен, что известно, – распорядитель вынужден был сменить поучительный тон, когда уловил ещё один взгляд курсанта. – В сорока трёх учебных заведениях Выпуск производится в один и тот же день. Академии раскиданы по всей обитаемой человеком части вселенной, между ними могут быть тысячи световых лет! Может ли один человек, пусть он и наш всесильный Император, одновременно присутствовать во всех? Раньше, конечно, мог, но тогда их было не сорок три, а только одна. Потому с давних пор заведено: присягу принимают Специальные посланники Императора. Этих заслуженных офицеров каждый год специально выбирает лично Император, выбирает по заслугам, и своим рескриптом наделяет их правом от его имени принимать присягу у молодых офицеров.

Распорядитель аккуратно подбирал слова. Он старался максимально смягчить эффект от новых для курсанта истин, и делал это отнюдь не только для самосохранения: над ним и сейчас довлела привычка не открывать всей истины, погружать её в красивый фантик и сладкую глазурь официальной идеологии. Тем более что он видел, как молодой человек потихоньку оттаивает, его гнев сменяется растерянностью.

– Но зачем тогда рассказывать эти истории? – волчонок полностью скрылся в глубине души курсанта. Теперь перед учителем стоял обычный юноша, доверчиво заглядывающий в глаза своему наставнику.

– Я же говорю: традиция. Нужно подчеркнуть избранность наших офицеров, показать, что Император постоянно с ними. Он же действительно с ними! Да, иногда не сам – ведь Империя с момента основания шагнула далеко за пределы самых смелых человеческих фантазий! Но неизменно через тех, в чьём сердце горит частичка его души: лучших из лучших, прошедших огонь и крошечный холод – через подлинных героев!

Распорядитель вскочил на излюбленного конька. Он словно бы снова вещал целой аудитории юношей, верил всему, что говорил сам и заставлял поверить всех вокруг. Между тем, всё было куда как прозаичней. Офицеры для присяги особо и не отбирались – посылались те, кто сейчас оказывался поблизости от Академии. Главное, чтобы такие офицеры были постарше и были строевыми, прошедшими через реальные военные компании. Впрочем, среди служивых в годах иных и не было.

– Вы очень смелый человек, лэр распорядитель. Или вы нас просто не уважаете? – красноречие учителя неожиданно утекло в песок, а волчонок в душе юноши снова зашевелился, грозя погубить все психологические достижения распорядителя в разговоре.

– Вы просили говорить правду, я её вам и сказал. Если она не такова, как вам хотелось бы, то ничего не могу поделать: на то она и правда. Теперь вы должны понимать, почему учителя иногда обходят некоторые темы стороной.

– Я говорю про обман. Зачем нужно обманывать, не проще ли сказать всю правду?

– Если даже сейчас правда вам неприятна, неприятно то, что людей слишком много, чтобы Император мог лично дотянуться до каждого, то что вы предлагаете делать нам, его скромным подданным?

– Предлагаю не обманывать наши надежды. Всего доброго, лэр распорядитель, – юноша, вместо традиционного воинского приветствия, отвесил учителю лёгкий поклон. Что это означало, распорядитель так и не понял – понял лишь, что в этот раз обошлось: курсант что-то для себя решил, и в этом «чём-то» не было места мести.

На выходе из кабинета Ванга дал сокурсникам команду: «Отбой». Сделал это совершенно автоматически, благодаря вбитой годами тренировок привычке – настолько его выбили

из колеи слова учителя. Он привык во всём полагаться на наставников, теперь же получалось, они могли обмануть и в чём-то ещё – если обманывали даже в таком судьбоносном вопросе, как присяга! Так рассуждал молодой офицер, интуитивно понимая уже, что многое в этом мире придётся постигать самому, пропускать через себя, а значит, его ждёт ещё множество разочарований.

В расположении его ожидали. Юноши расположились на всём, где только можно сидеть или лежать. Сегодня здесь собрались не только его товарищи по взводу, но и представители чуть ли не всего потока «красных». Всем хотелось получить ответ на извечный вопрос: «Почему?» В расположении шумели, даже срывались на крик; шутили, хотя у большинства присутствующих было совсем не праздничное настроение; строили планы, клялись в вечной дружбе «до гроба». Однако стоило Раймону переступить порог, все разговоры стихли, в помещении повисла звенящая тишина; только несколько десятков пар глаз устремили свои взгляды на вошедшего. Этот коллективный взгляд можно было почувствовать, услышать, как если бы сослуживцы вопрошали в голос.

В по-военному коротких, содержательных репликах офицер передал собравшимся суть разговора с распорядителем. С его последним словом напряжение взорвалось шквалом голов. Впрочем, запал молодых быстро спал, когда один из них высказал мысль, что сейчас, в общем-то, уже без разницы, всё равно скоро все окажутся в войсках, а там уже у каждого появится возможность послужить Императору. У самых же удачливых появится шанс увидеть его лично: например у тех, кому удастся пережить какую-нибудь особенно опасную заварушку и заслужить высшую награду в Империи.

Офицеры расходились, но каждый из них навсегда сохранил в душе своё первое разочарование. К Раймону подошёл его сослуживец по взводу, балагур и весельчак Марек.

– Ну что ты киснешь, Ванга! Давай, что ли, отпразднуем завершение учёбы хорошей выходкой? А то ты всегда такой правильный. Вон видишь – даже твои любимые учителя оказались не такими и идеальными, – Марек вальяжно приобнял парня за плечи, доверительно вещая ему в самое ухо.

– Извини, Весельчак, но ты не прав. Теперь тем более не время для шуток.

– Это ещё почему?

– Потому что мы теперь офицеры, на нас смотрит вся Империя. Мы должны быть примером для подражания. Никто не отменял нашего долга.

– Вот именно, Ванга, вот именно! Империи нужны зрелища, нужно веселье. Не киснуть же им теперь, как тебе! Скажи, что я не прав?

– Да ну тебя к чёрту, Марек! – Раймон скинул руку приятеля с плеча. – Не буди лиха.

Весельчак только хмыкнул, однако благоразумно предпочёл не цеплять парня. При всей его правильности, Раймон легко от слов переходил к делу, а в хорошей драке на силовых шпагах равных ему на курсе не было.

Ахиллесова пята бюрократии

Огромный мегаполис распахнул офицеру свои объятия. Многоуровневые движущиеся тротуары, в самых замысловатых комбинациях сочетающиеся с транспортными развязками; огромные проекции реклам, фантастическими гроздьями «нанизывающиеся» на развязки; гигантские шпили высоток, – всё это многообразие было для Раймона непривычным. Редкие выходы в город на увольнительные происходили обычно вместе с другими курсантами, и городская фантазмагория проходила где-то на грани сознания, которое было полностью поглощено общением с товарищами. Курсанты жили в расположении-казарме коллективом, посему выходили за её пределы также коллективом, то есть неким единым целым, ощущающим окружающее особыми органами чувств, но не каждым членом по отдельности. Теперь же он был один на один с городской суетой. Ему всё казалось чужим, даже чуждым, особенно на фоне армейского порядка, когда даже положение вещей в личной стенной нише чётко определено уставами и правилами внутреннего распорядка.

Особенно непривычными были окружающие люди. В их одежде и поведении не было совершенно никакой системы, что вступало в яркий диссонанс с привычным Раймону окружением. Пёстрые наряды, улыбки на лицах или напряжённые гримасы, быстрый шаг или лёгкая непринуждённая походка – вот чем встречали его гражданские. Зато, стоило им оказаться в метре от офицера, как они резко меняли направление движения, раздавались в стороны, даже отводили взгляды, словно вокруг молодого человека действовало некое силовое поле, раздвигающее человеческий поток. «Что такого они во мне видят? Почему стараются не переходить мне дорогу? Ведь имперский солдат – их защита и опора; по крайней мере, нас так учили», – недоумевал офицер. На самом деле люди просто чувствовали исходящую от офицера ауру силы, готовности немедленно броситься убивать и умирать, и это похлестче всяких силовых полей отваживало от него простых обывателей. Не последнюю роль в подобном отношении играла и офицерская форма. Тот красный комбинезон с алой же береткой Раймон одевать не стал – это был своего рода полевой вариант формы. Если сравнивать её с далёким прошлым Земли, то по фасону и статусу он больше напоминал маскхалат, пусть и с некоторым налётом парадности – сказывалась его способность менять цвет по желанию носителя. Сейчас же лейтенант щеголял в чисто парадном офицерском одеянии.

Созданная профессиональными психологами и модельерами, впитавшая в себя века армейского опыта человечества, форма была окружена ореолом торжественности. Никаких обтягивающих комбинезонов, никаких тёмных невнятных пиджаков – только острые линии небесно-голубого одеяния и блеск множества металлических элементов. Широкие брюки с серебряным шитьём по бокам брючин, металлическая пряжка, блеск которой так интересно перекликался с блеском серебряного узора по коже ремня. Приталенный китель, до низа бёдер, с широким отложным воротом, манжеты которого идут от самого живота, расширяясь к собственно воротнику. Рукава также заканчиваются манжетами, на морской манер. На всех манжетах серебряное шитьё, вместо старомодных пуговиц совершенно неотличимые от них магнитные клипсы. Звёзды на погонах логично дополняют композицию – построенную по цветовому принципу: «Голубое небо – звёздное серебро». Ну и, конечно, знаменитая офицерская фуражка.

Ноги обуты в изящные полусапожки, скрытые широкими брючинами – как шутили сами служивые, «для нанесения максимального урона личному составу городских кабаков». В самом деле, сапожки, несмотря на их внешнюю изящность, были сработаны на совесть, из специальных пластиков и сплавов, так что удар ими выходил знатный. На умелых ногах, конечно. А если уж раскрывать все карты, то офицерские сапоги позволяли пристыковывать к ним лёгкий скафандр, что в космосе сильно экономило время во внештатных ситуациях.

Насквозь официальный облик офицера дополняли тросточка в одной руке и небольшой кейс в другой. Когда он шёл в подобном наряде в одиночку, молодежато поигрывая тросточкой, это производило сильное впечатление. Зато когда их, таких торжественных, вывалился на улицу сразу целый поток, выглядело это несколько комично. Все с кейсами, все с тросточками, все в совершенно одинаковых нарядах, отличающихся лишь пантеоном медалей, – кто на что учился, как говорится. Вот только заметны эти отличия были лишь самим военным, для несведущих гражданских значки сливались в загадочную своей непознанностью массу серебрищегося на солнце металла – россыпь пивных пробок, ни дать, ни взять.

Остались позади сцены прощания друзей и товарищей, каковыми стали курсанты за шесть лет совместной казарменной жизни. Были здесь и попойки, и братания, и клятвы не забыть и не бросить в беде; были обещания вытягивать своих в случае такой возможности. Эти клятвы даже годы спустя не потеряют своей актуальности. Такие мелкие, юношеские сантименты, казалось бы, легко разбивающиеся о стену времени, на самом деле составляли одно из слагаемых армейского чувства локтя. Однако теперь всё это было позади, а впереди Раймона Вангу ждал секретный объект в самой пустынной части человеческой галактики. Добираться туда предстояло без малого десять суток, а для старта офицеру пришлось перелететь на противоположное полушарие планеты. Это-то и заставило его впервые за последние годы оказаться один на один с враждебным миром. Впрочем, Ванга не унывал, он в своей юношеской наивности ещё не подозревал о подлинной враждебности окружающего мира, с любопытством и доверчивостью взирал вокруг, готовый «служить и защищать».

Северный Космопорт был шумным, людным местом. Чтобы добраться до его отпускных терминалов, нужно было продрасться сквозь невероятное нагромождение парковочных площадок для планетарных летательных аппаратов. Затем предстояла борьба с зоной свободной торговли, с её гроздьями торговых точек, торгующих всеми доступными во вселенной развлечениями. Борьба, между прочим, нешуточная, ибо тамошние голографические рекламы меркли перед настойчивостью местных людей-зазывал. Дальше путника ждала таможенная зона – эдакий островок порядка и дисциплины в океане космодромного хаоса. Ну а в конце прошедшего все эти круги людского ада ожидал ещё один островок, на этот раз служивший прибежищем овеществлённому ожиданию: сеть кафе, ресторанов, закусовых и просто залов праздного времяпрепровождения.

Лейтенант стоически перенёс первую зону, с любопытным недоумением миновал торговые ряды, и тут его продвижение неожиданно остановила таможня. Раймон подошёл было к длинной очереди ожидавших досмотра гражданских, когда заметил неприметную надпись, призывающую служащих звёздного флота проследовать по голубой стрелке. Был ли молодой офицер таким служащим? А почему нет? Форма, свежее офицерское удостоверение – всё было при нём, так что Раймону даже в голову не приходило иного. Лейтенант уверенно проследовал по неоновой стрелке. Мимо таможенных терминалов, дальше, дальше... пока путь офицера не преградила металлическая переборка с дверью. Дверь открывалась магнитной карточкой. Раймон провёл по считывающей зоне своим блестящим ещё совершенно новым удостоверением офицера. Он был совершенно уверен в его магическом влиянии на окружающее, посему был крайне удивлён, когда считывающий круг полыхнул алым. Естественно, дверь не открылась. Лейтенант в недоумении замер возле входа. Возвращаться к скоплению гражданских совершенно не хотелось, но и стоять возле двери было, по меньшей мере, глупо.

Заскучать Раймону не дали.

– Лэр, вы не посторонитесь? – прозвучал голос из-за спины.

За спиной офицера возник подросток в совершенно умопомрачительном наряде. Только при пристальном рассмотрении офицер узнал форму техника. Мало того, что форменная куртка мышинного серого цвета была расстегнута, так ещё из-под неё торчала совершенно неуместная для служащего оранжевая рубашка с пёстрыми разводами всех цветов радуги.

Волосы парня были под стать рубашке – уложены замысловатым чубом. Облик дополняли цветные тапочки с мягкими бумбонами. И это вместо положенных по уставу сапог!

– Вы одеты не по форме, лэр, – вместо приветствия грозно констатировал молодой офицер.

– Ну и что? – странный субъект растерялся.

– Вы находитесь в императорском учреждении, служите в планетарном космопорте, и при этом вас совершенно не волнует внешний вид? – лейтенант нахмурился.

– Так вы имперский офицер? – только сейчас субъект в полной мере оценил, с кем имеет дело. Его лицо тут же приобрело по-детски обиженное выражение.

– Вы не ответили на вопрос, – холодно нажал Раймон.

– Но ведь это вход только для работников космопорта! – невпопад попытался защититься техник.

– Ну и что? – теперь растерялся офицер.

– Вас здесь не должно быть. Вообще никакого начальства не должно быть, – честно назвал причину своего разгильдяйства парень.

– Немедленно приведите себя в порядок, – Раймон был неумолим.

Под пристальным взглядом офицера техник начал нехотя заправляться. Спустя несколько минут он, по мысли лейтенанта, стал гораздо больше похож на человека, хотя тапочки и чуб на голове всё равно не давали Ванге покоя. Немного подумав, он стал собственноручно приводить причёску парня в порядок, легко преодолевая его слабое сопротивление.

– Лэр лейтенант, я восхищён: вам почти удалось сделать из этого техника человека, – возле двери возник высокий статный крепыш, с длинными усами и лицом прошедшего огонь и воду космического волка. Капитанский чёрный мундир выдавал в нём элиту космического флота человечества, а цепкий взгляд – умудрённого жизненным опытом мужчину. Впрочем, сейчас глаза мужчины блестели то ли восхищением, то ли иронией – Раймон так и не смог понять по тону и выражению лица, шутит ли флотский.

– Лэр капитан, я не ожидал встретить в первом же крупном космопорте такую недисциплинированность от служащих, – лейтенант решил сделать лёгкий упрёк и самому звёздному командиру. Однако тот только пожал плечами.

– Эти сухопутные крысы нам не подчиняются, они находятся в юрисдикции наземных служб, – капитан подмигнул технику, и тот, правильно поняв намёк, поспешил ретироваться за закрытой дверью. Трясущиеся руки парня не слушались, и он далеко не с первого раза смог провести магнитной карточкой по считывателю – в таких расстроенных чувствах находился. – Лучше скажите, лэр лейтенант, как вы смогли оказаться здесь столь своевременно?

– Моё имя Раймон Ванга, лэр капитан. Я недавно произведён в офицеры и должен из этого космопорта вылететь к месту несения службы, – Раймон предпочёл игнорировать странную манеру флотского.

– Так вы только закончили Академию? А я, право слово, думал, что вы просто от скуки решили подшутить над этим парнем. Извините моё невежество. Меня зовут Кларк Фенон, я капитан корабля «Манящая».

– О-о! Капитан, а я как раз лечу на вашем корабле.

– Да? Тогда пойдёмте, провожу вас на борт.

Прогулочным шагом они направились в лабиринт подсобных помещений космопорта. Лейтенант только сейчас в полной мере осознал: если бы ему довелось самому открыть ту дверь, блуждать бы ему по космопорту до окончания времён. Но капитан не просто провожал своего спутника, он ещё и показывал особенно примечательные места циклопического сооружения. Нет, Раймон неплохо был знаком с устройством космодрома в целом; его хорошо учили. Вот только его учили уничтожать такого рода сооружения, для чего напичкали информацией по уязвимостям строения. Так, он знал, что силовое поле отключается простым уничтожением

силовой установки; знал, где её следует искать; с вероятностью в девяносто процентов мог её уничтожить тяжёлым оружием, прожигаящим переборки и толщу пластобетона, словно лист бумаги. Знал он и расчётные уязвимости несущих конструкций подземных катакомб под стартовым полем, попадание в которые складывало половину поля вовнутрь, словно карточный домик. Вот только детальных планировок ему никто даже не пытался вбивать в голову, ибо банально незачем. Зато после экскурсии капитана пробел в образовании оказался заполнен, ко многим терабайтам бесполезной в гражданской жизни информации добавился солидный пласт нового знания.

На пластобетонную поверхность новые знакомые вышли уже едва ли не друзьями. Лейтенант определил в капитане опытного волчару космоса, могущего поделиться бесценным опытом, тот же увидел в молодом офицере свежие уши и... потенциального собутыльника. К слову сказать, в медицинском отсеке, где Фенон проходил предполётное медобследование, тот умудрился разжиться солидных размеров бутылью спирта. Зачем ему спирт, если в космопорте можно купить самое экзотическое спиртное почти без наценки? Ключевое слово здесь «купить». Капитан быстро разъяснил неопытному флотскому, что слово это слишком режет уши любому уважающему себя капитану или офицеру. Куда приятней на слух ложится мелодичное «халява». А уж если оно дополняется усиливающим эпитетом «чистый» (применительно к спирту), то получившееся сочетание для любого уважающего себя космического волка звучит божественной музыкой. Нельзя сказать, чтобы Раймон Ванга сразу же перенял эту философию – слишком чужда она была его воспитанию, но он оценил её по достоинству и принял к сведению.

Во время визита в медотсек лейтенант познал и другую, не менее важную жизненную мудрость. Капитан, после прочувственной лекции о великой силе искусства, вдруг бросил заинтересованный взгляд на офицерский чемоданчик Раймона. Не успел тот опомниться, как бутылка спирта оказалась помещена в это универсальное хранилище, заменяющее военным контейнер с личными вещами. На вопрос: «Зачем?» последовал не менее лаконичный ответ: «Так надо». А дальше капитан разродился очередной лекцией, на этот раз о взаимопомощи в космосе. В общем-то, лейтенант был не против взаимопомощи, даже обеими руками «за». Вот только вдалбливаемая в юных военных истина о взаимопомощи служивых людей предстала перед Раймоном совершенно неожиданной стороной. Можно сказать, с тыла. Вряд ли чемоданчик – эту высокотехнологичную вещичку, способную уменьшать предметы специальным полем, – создавали для скрытой переноски спиртного. Пришлось офицеру вновь пересматривать свои казавшиеся незыблемыми взгляды на окружающий мир.

Но вот, после долгих блужданий по катакомбам рукотворного муравейника, офицеры наконец вышли на стартовое поле. Огромное, уходящее за горизонт – живое воплощение бесконечности, – оно словно втянуло в себя двух маленьких человечков. Вот они бредут по серому коридору – неестественно узкому, подчёркнуто стерильному, безжизненному в свете фосфоресцирующих потолка и стен; бредут, не видя дальше нескольких метров из-за бесконечных изгибов и поворотов, – а вот обзор вдруг расширяется настолько, что взгляд буквально проваливается в голубую бездну простора. Раймон на целый десяток секунд застыл, поражённый. Он вдруг в полной мере осознал, что значит быть астронавтом: ютиться дни и недели в гробу из композитных сплавов, слепнуть в кромешной тьме гиперперехода, сходиться с ума под холодным светом безучастных звёзд. И только иногда, в часы досуга, погружаться в подлинную свободу земного неба, вдыхать свежий живой воздух, ощущать многие миллионы оттенков цвета вокруг. Обитатели планет просто не осознают, чем владеют, им банально не с чем сравнивать. Нужно лишиться чего-то, чтобы оценить это что-то в полной мере.

Кларк показал рукой куда-то вдаль, где должен был стоять ожидающий капитана корабль. Возможно, сам Фенон и видел его, но Раймон при всём желании не смог бы вычленить незнакомый ему борт из сотен и сотен замерших на старте машин. Кораблик Кларка Фенона терялся

в огромных масштабах циклопического сооружения, подобно одинокой песчинке в обширной дюне. Да и сам путь к нему по казавшейся бесконечной серо-белой равнине, то и дело обжигаемой маленькими солнцами стартующих бортов, казался вершиной утопии. Но лейтенант знал: идти не придётся. Офицеры нашли ближайших лифт, спустились на подземный уровень, и следующие несколько километров с комфортом преодолели в уютных недрах подземного электропоезда. Вся территория под стартовым полем была изрыта всевозможными элементами транспортной инфраструктуры, напоминая этим нагромождением гигантский термитник. Рабочие же термиты-электропоезда постоянно сновали вокруг, доставляя грузы, пассажиров, обслуживающий персонал. В отличие от аэропортов с их планетарным транспортом, космопорты имели не надземную, а подземную инфраструктуру: слишком велики были силы, поднимающие космические корабли с планеты, чтобы подвергать риску людей и технику.

Корабль Фенона как раз заканчивал погрузку. Ни внутри, ни снаружи им не подалось ни одного человека, всё происходило в автоматическом режиме. Раймона несколько озадачило отсутствие шатающихся вокруг пассажиров, вкупе с крайне утилитарными внутренностями «Манящей», но он не придал этому особого значения, а потом стало и вовсе не до размышлений.

– Ну что, лэр, по одной за знакомство? – подмигнул молодому человеку капитан. На столе капитанской каюты, словно по волшебству, возникла непечатая бутылка имперского виски. В следующее мгновение к ней присоединилась вторая бутылка, на этот раз с достопамятным спиртом.

– Я пью только на праздники, лэр. Извините, – выдавил из себя виноватую улыбку лейтенант.

– Так я и говорю: за знакомство. Чем не праздник?

Раймону совершенно не хотелось оскорблять отнёсшегося к нему так по-человечески астронавта. Он подумал-подумал, и решил, что по одной можно. Офицеры опрокинули по первой стопке спирта, закусили кусочком хлебушка. Прежде чем лейтенант успел опомниться, капитан уже разлил по новой.

– Я пас, лэр.

– Ну что вы, лейтенант, в самом деле? Это же ваше первое задание! Чем не праздник? – взгляд Фенона был таким честным-честным, таким располагающим к доверию... Штурмовику ничего не оставалось, как выпить вторую стопку. По телу разлилось приятное тепло, в голове чуть-чуть зашумело. Когда офицер оторвался от исследования своих ощущений, стопка была уже вновь полна прозрачной пахучей жидкостью.

– Кларк, я не пью, – он попытался отодвинуть от себя стопку.

– Да разве мы пьём?!

– Что же мы делаем? – озадачился Ванга.

– Так... выпиваем.

– Разве это не одно и то же?

– Конечно же, нет! Вот что вы имеете против спиртного?

– Ну... оно мозги туманит, реакцию притупляет.

– Вот! – капитан поднял вверх указательный палец. Молодой человек заворожено проследил за его движением. – Когда пьют, так и происходит. Зато когда выпивают... Реакция обостряется, а мозг начинает работать ещё лучше, чем прежде. Разговор сразу оживляется, появляются интересные, волнующие всех за столом темы. Разве я не прав? И как может туманить мозги спирт?! Он же чистый!

Молодой человек страдальчески закатил глаза. Он уже понимал: придётся пить. Последний аргумент капитана просто не оставил ему выбора. Одним словом, Раймон Ванга начал понемногу прочувствовать магию слова «чистый». А ещё он вдруг с кристальной чистотой вспомнил детство. *Он, мелкий карапуз, сидит за высоким пластиковым детским стульчи-*

ком, а мама безуспешно пытается накормить его манной кашей. Карпуз-Раймон хмурится, мотает головой, отворачивается. Каша течёт по слюнявчику. Тогда мама резко меняет тактику: «Ты же любишь маму? Ну, давай ложечку за маму, – и проникшийся мистической важностью слова «мама» карпуз послушно проглатывает целую ложку. «Ну вот, молодец, и мама тебя любит. А где папа? Давай ложечку за папу...» – маленький Раймон спохватывается лишь тогда, когда тарелка с кашей показывает дно. Маленький Раймон хотя бы спохватывается, а большому уже не хватает на это... чего-то, в общем, не хватает. Спустя некоторое время Ванга поймал себя на мысли, что бутылки со спиртом больше нет, на столе осталась лишь маслянистая жидкость в цветастой бутылке.

– Ну вот, вашу мы приговорили, лейтенант. Займёмся теперь моей.

– Чем-чем займёмся?

– Ну, мы же с вами решили выпить по одной? Одну выпили. Теперь нужно вторую. Я прав?

Вместо ответа Ванга одним махом осушил предложенную ему стопку. Сегодня он и так спорил, как давно уже не спорил: до хрипоты, до дёргания за грудки. Продолжать споры не хотелось, хотелось полностью раствориться в блаженном беспомыслии, что вскоре и произошло.

Дальнейшее путешествие лейтенант помнил весьма смутно – отрывочными картинками, невероятно яркими на фоне серого марева основных воспоминаний. Вот перед внутренним взором офицера предстаёт полукруглое помещение капитанского мостика с сенсорными панелями по окружности, разделённой на сектора. Три человека: пилот, суперкарго и техник – приветствуют своего капитана стоя, докладывают о завершении погрузки, о готовности полётного курса и основных систем. И заинтересованные взгляды гражданских, в особенности одной... гражданской... Затем снова дымка, сквозь которую прорывается уверенный голос капитана: «Признаюсь вам, Раймон, капитан – самый бесполезный член экипажа во время полёта. Я нужен только если случится какое-нибудь ЧП, или понадобится развлекать пассажиров. Пора, кстати, приниматься за дело, виски стынет». Вот сквозь дымку забвения проступает симпатичное личико суперкарго – или суперкарги? – и склоняется над ним: «О, лейтенант! Вы просто прелесть! Как вы относитесь к тому, чтобы что-нибудь выпить?» Затем снова картинка с суперкарго – яркая, сочная, но совершенно за гранью цензуры. Вот перед Раймоном стоит тройка членов команды: все в бойцовских стойках, все подтянутые, сосредоточенные на отработке ударов. Пилот даже признаётся, что жить не может без спорта. Серый провал, и вдруг перед лейтенантом возникает лицо этого самого пилота: его взгляд жалостливый, словно у побитой собаки; парень что-то перекачивает языком во рту. Вот он наклоняется, и на пол пополам с кровью летит что-то белёсое. Теперь уже лейтенант слышит свой собственный голос: «Извините, лэры, меня учили убивать, а не танцевать». В новом кадре они с капитаном дружно «отпавивают» пилота некой «живительной влагой», как эту жидкость обозвал Фенон. Раймона поражает только цвет жидкости – янтарно-смолянистый, да и вкус кажется смутно знакомым. По мере падения уровня «влаги» в пузатой бутылке сознание офицера всё более заполняет привычный уже «серый шум»; на этот раз настолько плотный, что даже во время коротких просветлений картинки реальности почти неразличимы.

На седьмой день пути серая пелена выпустила мятущуюся душу лейтенанта из своих мягких объятий. Офицер осознал себя лежащим на жёсткой кровати, в крошечной корабельной каюте; и кровать и каюта были ему смутно знакомы. По-воинскому быстро, но без излишней суеты, Ванга облачился в парадную форму, подхватил трость, чемоданчик и оказался в узком коридоре. Ноги сами понесли его на мостик: оказывается, за время космического путешествия он успел неплохо изучить внутренне устройство транспортника! Да и передвигаться «на автомате» тренированному телу, похоже, было не в диковинку... На мостике только вяло перемигивались сенсоры, да гроздь голографов над секторами управления показывали всякие замыс-

ловатые фигуры. Тогда всё те же ноги привычно доставили своего хозяина в спортзал, но и тут оказалось непривычно пусто. Ответ мог быть только один: корабль прибыл в место назначения. Лейтенанта вдруг охватила паника, волосы на голове начали медленно шевелиться. «Всё, опоздал», – бесновалась в сознании заполошенная мысль. Офицер стремглав кинулся к внешнему шлюзу, и лишь когда, уже на трапе, наткнулся на спокойный взгляд капитана, немного успокоился.

– Вот мы и прибыли, Раймон, – лучезарно улыбнулся ему флотский. Обведя вокруг рукой, он добавил, – это Вальгир, вторая планета Амалеи.

– Амалеи? А где Варан? – лейтенант нахмурился. Что-то он не мог припомнить такой планетарной системы в районе пункта назначения.

– Какой Варан? – теперь нахмурился капитан.

– Мы должны были через десять дней прибыть на Варан.

– Нет, мой друг, мы летели к Вальгиру.

Возникла немая сцена, в ходе которой мужчины растерянно буравили друг друга взглядами.

– Но позвольте, Кларк, вот мой билет. Что-то здесь не так.

Капитан стал внимательно изучать билет. Только прочитав его от корки до корки, он выдал неутешительный вердикт.

– Мне очень жаль, Раймон, но вы ошиблись кораблём.

– Но ведь вы представились капитаном «Манящей»!

– Всё верно. Только у меня – транспортник, а вам был нужен лайнер.

– И что мне теперь делать? – растерянно вопрошал лейтенант.

– Придётся искать другой корабль. До Варана отсюда две-три пересадки, как повезёт. Постараюсь помочь найти подходящий маршрут.

– Сколько это займёт времени?

– Думаю, не меньше двух недель.

– Две недели! Но я же опоздаю!

– Не переживайте, мой друг, мы что-нибудь придумаем. – Кларк Фенон глубоко задумался. Думал он, однако, недолго; уже через мгновение лицо капитана просветлело озарением. – Я знаю, что нам нужно: справка.

– Справка? – лейтенант растерялся ещё больше.

– Ну да. О том, что произошла путаница с кораблями. Да вы не переживайте, поставим в местном космопорте печать, комар носа не подточит. Ваши военные любят такие вещи, особенно на гербовой бумаге гражданского космофлота.

Пока товарищи добирались до надземной части космопорта, Раймон Ванга почти успокоился: капитану удалось заразить его своим неиссякаемым оптимизмом. Разве что возле самого входа в святая святых космофлота Фенон повёл себя несколько странно. Он за плечо остановил лейтенанта, пристально посмотрел тому в глаза.

– Теперь нужно морально подготовиться. Я лично просто набираю полную грудь воздуха, чтобы аж дух захватило, держу его в лёгких несколько минут, до головокружения, затем резко выдыхаю. После мне сам чёрт не страшен.

– Разве там есть, чего бояться?

– Нет, но... да вы и сами всё увидите, дорогой друг. Главное подготовиться, набраться терпения.

Раймону оставалось только пожать плечами. Он не стал ждать, пока его товарищ закончит свои странные манипуляции. С присущей молодости порывистостью лейтенант толкнул дверь, предварительно, конечно, проведя магнитной карточкой по жёлтому кругу.

Приёмный холл обрушился на Раймона сотнями беспорядочно суетящихся людей. Одни куда-то неслись, другие толпами стояли то тут, то там; всю эту людскую массу сотрясали кон-

вульсии резких окриков, разговоров, криков отчаяния. Привыкший к порядку в повседневной жизни, к упорядоченному строю сослуживцев, Раймон на короткий промежуток времени потерял дар речи. Хотелось гаркнуть во всё горло зычным командирским окриком: «Становись! – Смирно!» – Но что-то подсказывало молодому человеку, что его окрик просто утонет в местной чехарде звуков. Только лёгкий удар по плечу заставил лейтенанта выйти из ступора. Конечно, это был капитан: он уже намедитировался на улице, и теперь пришёл поддержать своего товарища.

Плечо к плечу флотские влились в бушующее человеческое море. Капитан сразу разъяснил цель: нужно прорваться к одной из прозрачных дверей с противоположной стороны зала. Раймон с энтузиазмом направился вперёд, но уже через несколько шагов был остановлен грозным окриком какого-то гражданского:

– Тут очередь, лэры!

Лейтенант обзрел говорящего; им оказался худосочный мужичок в серой ничем не приметной форме технического персонала. Всё в нём было неприметным, за исключением глаз. Да, его глаза были особенными. Они горели лихорадочным блеском фанатика.

– Глубокоуважаемый лэр, я вижу очередь и никоим образом не хочу оскорбить ни вас, ни ваших спутников... по очереди, но мне нужна другая дверь, а значит – другая очередь.

– Как-как вы говорите? Ничего не знаю, тут очередь. Эй-эй! Куда это вы собрались?! Не пушу! Знаю я вас: все говорят в другую дверь, а потом – шашть...

– Добрый день, лэр, – вмешался в перепалку капитан. – Я капитан гражданского космического флота, мой спутник – императорский лейтенант. Заверяю вас...

– Ах, так вы ещё и служебным положением давите! Да хоть сам император! В очередь!

Товарищи переглянулись: ситуация выходила патовой. Тогда штурмовик быстро огляделся по сторонам, оценил «дислокацию» и боевые возможности противника и одним аргументом исчерпал конфликт. Таким аргументом стал мастерский удар под дых. То, что не смогли решить никакие аргументы и фигуры вежливости, решила специальная подготовка штурмовика. Ванга подхватил падающее тело, усадил его здесь же, на пол; теперь мужчина оказался куда сговорчивей, покивал извинениям лейтенанта, даже виновато улыбнулся на прощание. Дальнейшее продвижение товарищей оказалось чудовищным коктейлем из вежливых рулад, поклонов и ударов. Одним словом, подготовка Раймона Ванги впервые помогла ему в гражданской жизни сама по себе, причём неизвестно, какая её часть помогла больше: уроки этикета или занятия боевыми искусствами.

– Нам нужно в том отсеке получить бланк, – капитан кивнул головой в сторону прозрачной двери в стене. Товарищи уже прошли всё помещение холла насквозь и теперь стояли перед длинным рядом дверей. Как Кларк умудрился опознать необходимую именно им, лейтенант так и не понял, но лишних вопросов предпочёл не задавать.

– В чём сложность? – по-военному чётко вопрошал лейтенант, готовый выполнять любую поставленную задачу.

– Там технологический перерыв на пятнадцать минут.

– Придётся ждать?

– Присмотритесь внимательней, Раймон, что там происходит.

Ванга присмотрелся. Сквозь прозрачную дверь было отчётливо видно, как сидящая за столом дама наводит макияж. Она начала с подкрашивания губ, затем мягкой щёткой стала наводить тени, наконец, подошла очередь причёски. Пока лейтенант, словно зачарованный, наблюдал за этим действием, прошло минут пять, не меньше.

– А без макияжа никак? – тупо спросил он товарища.

– Ну, видно без него она не сможет полноценно работать. Но дело не в этом. Уже прошло десять минут, а она только начала расчёсываться. По опыту могу сказать, наведение качествен-

ной причёски займёт ещё минут десять, затем ей обязательно нужно будет что-то подправить в облике, потом она позвонит подруге... В общей сложности нам придётся ждать не меньше часа.

– Тогда почему написано, что перерыв на пятнадцать минут?

– Положено пятнадцать минут. Только точку отсчёта отследить крайне сложно, вот они и пользуются.

Лейтенант всё понял, дальше ему можно было не объяснять. Он всегда был за справедливость, за порядок, поэтому подобное разгильдяйство было для него неприемлемо. Он коротко ударил в дверь; дверь в ответ зазвенела, однако женщина даже бровью не повела. Раймон сначала растерялся, но быстро взял себя в руки. Словно козырного туза он извлёк из кармана кителя офицерское удостоверение. Извлёк несколько демонстративно, с оттяжкой. Отвечая на прикосновение блестящего пластика, сенсорный круг вспыхнул зелёным: проход был свободен. Лейтенант смутно вспомнил, как на курсах ему рассказывали о привилегиях имперских офицеров в гражданских учреждениях. Очевидно, сейчас был как раз такой момент, когда его статус офицера начал давать о себе знать.

– Потрудитесь ускориться, лэра, – без обиняков заявил Ванга служащей. – У вас осталось ровно четыре минуты и тринадцать секунд.

Женщина обвела лейтенанта уничижительным взглядом, но, наткнувшись на его увешанную значками грудь и звёзды на погонах, несколько поумерила свою чиновную спесь. Под пристальным взглядом офицера она спешно завершила расчёсываться, что-то ещё подправила в тенях, потянувшись было к голографу, но тут настал час «Х».

– Время вышло, лэра, – женщина отёрнула руку от кнопки вызова, словно та ударила её током.

– Что вам угодно, лэр офицер?

– Будьте любезны, гербовый бланк гражданского космофлота, для заполнения.

– Гербовый бланк? Мы не выдаём пустые бланки, только заполненные.

– Служебная необходимость, лэра, – вмешался в разговор капитан. Дама осмотрела нового визитёра. Оpozнав в нём капитана гражданских линий, она погрустнела ещё больше.

– Хорошо. Предъявите, пожалуйста, согласованный с таможенной службой запрос на получение бланка.

– У меня нет запроса и нет согласования с таможенной службой.

– Тогда ничем не могу помочь, – она подарила лейтенанту полный напускной печали взгляд из-под только что накрашенных ресниц.

– Хорошо, лэра, я получу согласование и вернусь.

– Только обратите внимание, мой отсек работает ещё полтора часа, затем начинается смена отсека тридцать четыре.

– Благодарю за ценную информацию, лэра, – холодно поклонился служащей офицер. И уже обращаясь к своему спутнику, когда они вышли из отсека. – Что это за согласование?

– А! – мужчина в сердцах махнул рукой. – Совсем забыл! Мы же ещё не отметились у таможенников.

Таможенников служилые прошли на «ура», те оказались своими в доску, такими же служаками. Вот только было одно «но». Имперский офицер был вне их юрисдикции, ему нужно было заглянуть в военную комендатуру. Зато капитан гражданского флота им вполне подошёл для выдачи согласования на него. Правда, пришлось попотеть, составляя заявление, но оно того стоило. Обрадованные неожиданной победой товарищи стремглав кинулись обратно в приёмный холл, напрочь забыв про какую-то там комендатуру. В холле их ожидал очередной раунд борьбы с очередями. На этот раз локомотивом шёл капитан, лейтенант же прикрывал его с тыла. То есть мягко осаживал всех, кто пытался что-то возразить уверенно продвигавшемуся к заветной цели астронавту.

К давешнему отсеку товарищи вышли как раз вовремя: дама только что положила трубку; видно, ей всё же удалось выкроить «минутку» для разговора с подругой. На этот раз она была сама любезность, легко согласилась поставить отметку на заявлении, выдала вожеленный бланк – в общем, проявила все положительные черты имперской бюрократии. Дальше товарищи направились аккуратно к начальнику службы, за печатью. Однако секретарь завернул капитана резонным замечанием, что на пустом бланке никто печать не ставит, никому потом отвечать не резон. Под «никому», очевидно, подразумевался сам секретарь. Лейтенант уже было хотел начать заполнять ценную бумагу, но у капитана внутри вовремя сработал ограничитель – не иначе сказался его многолетний опыт общения с гражданской бюрократией, – в самый последний момент он поймал руку штурмовика, буквально в миллиметре над бумагой.

– Не спешите, Раймон. Давайте сначала напишем на обычной бумаге, и пусть лэр секретаря проверит, правильно ли мы всё изложили.

Написанное на простой бумаге прошение, естественно, вызвало сначала праведный гнев секретаря. Он поначалу даже отказывался читать, что там написано, но штурмовик умел убеждать – не зря его учили вести допросы с пристрастием. В общем, чиновник быстро осознал, за что все так уважают офицеров, и что не только деньги могут выступать смазкой для бюрократической машины. Но и он не остался в долгу, оттянулся на офицерах по полной. Товарищи вынуждены были раз тридцать переписать текст, пока он не приобрёл в глазах чиновника вид «серьёзного» документа. Офицер быстро нанёс получившийся опус на бланк. Когда он распрямился после написания последних строк справки, то ощутил себя измождённым, как никогда на занятиях. Даже бег в полной выкладке не мог сравниться с пережитыми треволнениями.

Бумага бережно переключалась в руки секретаря. Он тут же потребовал предоставить ему весь «пакет документов», то есть и заявление со всеми отметками. Получив всё требуемое, чиновник скрылся в кабинете начальника службы. Вряд ли он был столь же расторопен с другими; но неприязнь с лэрами у него оказалась взаимной и крайне сильной, и именно она, похлестче имперской пропаганды, подтолкнула служебное рвение служащего. Тот просто очень быстро понял: избавиться от ненавистных офицеров можно только, побыстрее выполнив их просьбу.

Товарищи уже потирали руки в предвкушении скорой победы. В их умах зрел эпохальный план встречи очередного праздника, и его размах обещал затмить собою всё, когда-либо происходящее в звездолёте Кларка Фенона. Но тут из кабинета появился секретарь. Его бледное, осунувшееся лицо по оттенку больше всего напоминало гербовую бумагу, что он с таким почтением держал на вытянутых руках.

– Лэры, вынужден вас разочаровать: бумага не прошла проверки, печать на неё поставить не представляется возможным, – чиновник сразу же осознал всю глубину своей неправоты, посему попятился к ближайшему письменному столу, словно желал за ним спрятаться от всего враждебного мира.

Взбешённый штурмовик прыгнул вперёд, но поймал лишь воздух: чиновник перед лицом неминуемого унижения продемонстрировал просто нечеловеческое проворство, в последний момент умудрившись нырнуть в ростовой сейф для бумаг. Дверь за ним с чмокающим звуком захлопнулась, оставляя офицера «с носом». Ванга нанёс по металлу сокрушительный удар кулаком; сейф ответил утробным гулом стенок и тихим похрюкиванием секретаря.

– Не кипятитесь, Раймон. Пусть посидит, никуда он оттуда не денется. Когда ещё его выпустят! – капитан один сохранил завидное хладнокровие: не иначе, его медитация всё ещё действовала.

– Пойдём к начальнику, пусть он объясняется за этого типа, – быстро смекнул лейтенант.

Начальник встал навстречу служивым, отвесил самый учтивый из возможных поклонов. Он сразу понял, зачем они пожаловали, и решил не будить лиха, пока оно тихо.

– Лэры! Я понимаю, зачем вы здесь. И очень хочу помочь столь уважаемым подданным Императора, но я не в силах.

– Так в чём же проблема, лэр? – Раймон даже растерялся от исполненной праведного желания услужить манеры сановника.

– Можно мне ещё раз ваши документы? Я всё покажу. Вот, смотрите. Заявление. Все согласования и отметки на нём, безусловно, присутствуют. Справка. Написана чрезвычайно грамотно, воистину, лучшими сынами Империи.

– Так в чём же дело? – в один голос вопрошали просители.

– Сущий пустяк, лэры, портит всю картину, делает меня бессильным что-либо изменить. Заявление подано глубокоуважаемым капитаном Кларком Феноном. Справка же составлена для лейтенанта Раймона Ванги. Бумаги не соответствуют друг другу, лэры.

Совершенно раздавленные убийственной логикой чиновника, товарищи покинули начальственный кабинет. Сзади ещё неслись приглашения заходить прямо к нему, минуя секретаря, но их уже никто не слушал. Бюрократический круг замкнулся.

Уважаемые лэры, растерявшие остатки оптимизма, медленно поплелись в сторону военной комендатуры. Она располагалась аккуратно возле таможни, в районе пропускных терминалов. Естественно, коменданта на месте не оказалось. Тогда товарищи просто пошли, куда глаза глядят, в надежде найти спокойное уединённое местечко в этом царстве бюрократии, бардака и невежества. У офицеров оставалось только самое крайнее средство: бутылка недавно приобретённого имперского виски из метрополии. Его купили ради победы, и товарищам тогда даже в голову не могло придти использовать раритет ради успокоения нервов. Но иного способа взять себя в руки служилые не видели. Даже когда было найдено укромное местечко, офицеры до последнего момента оттягивали тягостную процедуру открытия бутылки. И тут на сцену истории вышло ещё одно действующее лицо.

– Лэр имперский офицер?! – окликнул молодой, исполненный восхищения голос.

Раймон Ванга поднял на нового собеседника мутные, лишённые интеллекта глаза. Перед ним стоял техник. Точь-в-точь, как тот, которого он приводил в порядок перед злополучной встречей с капитаном. Даже одет он был также, имел тот же чуб, разве что на ногах оказались не тапочки, а шлёпанцы из чёрного пластика.

– Так точно, – тупо отрапортовал он.

– Вам нужна помощь, лэр лейтенант?

– Помогите открыть бутылку, – брякнул Ванга первое, что пришло ему в голову.

Парень не растерялся, отработанным жестом скрутил голову крышке. Откуда-то появились металлические стаканчики. Немного засаленные, но на это никто из присутствующих уже не обращал внимания. Выпили сначала по одной, затем по второй, и только когда бутылка показала дно, лэры начали неспешную беседу.

– Лэр капитан, видно судьба у меня опоздать в гарнизон без уважительной причины.

– Ну что вы, лейтенант, дождёмся коменданта, и всё решим. Уверен, он окажется таким же своим мужиком, как таможенники.

– Не-е, лэры. Комендант – самый гнусный из всей этой чиновной братии. Представляете, он всегда, когда меня видит, тут же накидывается, заставляет заправиться, причёску портит, – в этом месте техника аж передёрнуло от жутких воспоминаний. Лейтенант поднял на него тяжёлый взгляд, но предпочёл промолчать. – А что вам, кстати, нужно от этого солдафона? Может, и я чем помогу.

Товарищи переглянулись. Раймон махнул на всё рукой. С какой-то мстительной оттяжкой он принялся изливать душу новому знакомому.

– И всего-то? Какая-то печать? Пойдёмте со мной, лэры, сейчас всё будет.

Ошарашенные неожиданным оборотом товарищи снова переглянулись, и снова решили не искушать судьбу, пойти следом за странным субъектом. Техник повёл их такими коридо-

рами, о существовании которых не подозревал даже прожженный капитан. Им понадобилось добрых полчаса, чтобы выйти в конечную точку маршрута. Здесь уже почти не было освещения в коридорах, только из последних сил тлели какие-то древние светильники. Парень остановился перед неприметной дверью. Старомодный металлический ключ неожиданно легко провернулся в отверстии, полотно двери бесшумно распахнулось.

– Прошу, лэры, в моё скромное обиталище, – техник сопроводил слова широким жестом руки. Не дожидаясь товарищей, он скользнул внутрь затенённого помещения.

Вспышка света резанула по привыкшим к полутьме глазам. Лейтенант шагнул внутрь, с любопытством огляделся по сторонам. Помещение было под стать его обитателю: такое же расхристанное, сумбурное. Множество стеллажей были завалены всевозможными образчиками электроники, от микросхем, до самых что ни на есть кусков железа. Пара обширных верстаков в дальнем конце комнаты, на вид совершенно древних, вмещали вполне современное оборудование. Ещё здесь были диван, пара пластиковых кресел, на удивление аккуратный невысокий столик. Несколько бытовых приспособлений, среди которых офицер распознал компактный холодильник, пищевой синтезатор, электропечку, были рассованы в пустующие стеллажные ниши или громоздились по углам.

Раймон поискал взглядом хозяина комнаты. Тот обнаружился возле самого дальнего стеллажа, почти по пояс погружённый в его обширные недра. «Ну, где же оно? Это не то... и это не то...» – бормотал себе под нос техник. Наконец он обнаружил то, что искал, и с радостным вскриком повернулся к гостям.

– Вот то, что вам нужно, – неопрятный субъект держал в руках металлическую почти квадратную коробочку, без опознавательных знаков.

– Что это? – поинтересовался Ванга.

– Это, лэр офицер, Печать! – последнее слово он произнёс с придыханием, выделяя его особенно торжественной интонацией.

Устройство было водружено на стол. Теперь товарищи могли его как следует рассмотреть. На самом деле квадрат не был монолитным, на верхней его крышке отчётливо виднелись контуры сенсорных кнопок.

– А печать точно настоящая? – офицер взирал на коробку с недоверием.

– Конечно! Я же сам её сделал! Вы мне разве не верите?! – в общем-то, лейтенант и так догадался, кто сделал устройство. В это он как раз верил. Он не верил в достоверность самой печати, а не в её автора. Максимально корректно Раймон попытался объяснить это технику. На все заверения субъект только непринуждённо махнул рукой. – Да бросьте вы эти глупые подозрения, лэр офицер. Вот этими самыми руками я сделал все печати в космопорте, и вы ещё сомневаетесь?

– Разве печати не делаются специальными секретными учреждениями империи?

– Понимаете, лэр офицер, тут очень тонкий вопрос. Вот вы говорите про секретные учреждения. А знаете ли вы, сколько они берут за ремонт печати? А ещё нужно провести торги по выбору такого учреждения, ведь космопорт – императорское учреждение. Всё это сопровождается написанием целого вороха объяснительных: кто сломал, почему сломал, а дайте заключение экспертизы, а кого вы считаете необходимым привлечь за порчу ценного имущества? Проще выписать премию мне, технику. Это экономит деньги, и, что самое ценное, нервы служащих. И мне какой-никакой заработок. Вот и приходится время от времени чинить всякие безделушки, типа печатей.

– Но разве всё это свидетельствует в пользу достоверности именно конкретной, данной печати? – лейтенант никак не мог справиться со своей подозрительностью. Слишком он был правильным, ему претило использовать поддельную печать. Всё внутри восставало против этого.

– А... вы об этом... Смотрите. Вот взял я печать на ремонт. А тут приходит очередной проситель. Что делать? Не останавливать же из-за такого пустяка работу космопорта! Опять бегут ко мне: дай, мол, что-нибудь, чем можно временно заменить печать. Раз прибежали, два прибежали. На третий я решил сделать Печать с оттисками всех печатей космопорта, чтобы она сразу могла заменять их все. Разве не мудрое решение?

– Просто гениальное! – даже капитана проняло. – Если вдруг решите отправиться в космос, на моём корабле для вас всегда найдётся место!

– Спасибо, лэр капитан, – техник польщено потупил взгляд.

Неожиданное избавление для лейтенанта решили отпраздновать. У хозяина комнаты оказался приличный запас всяких спиртных напитков, так что за этим дело не стало. Спустя полчаса под дружный звон стаканов и крики «Виват!» на многострадальную справку была водружена Печать. Техник немного с ней пошаманил, и взгляду довольных космонавтов открылся аккуратный синий кружок, со стремительным крейсером в центре. По ободку шли цепочки официальных наименований космопорта.

Когда товарищи покидали техника, они уже стали с ним лучшими друзьями. Раймон Ванга же сильно призадумался над своим непотребным поведением с тем, первым на его жизненном пути, техником. Конечно, погоны, внешний вид, и всё такое – это важно. Вот только куда важнее внутренний мир этих маленьких людей, на плечах которых стоит такая большая Империя.

Обманчивый блеск высшего света

– Прощайте, лэр капитан. Чистого света звёзд вам в проколе.

– И вам, лэр Ванга, и вам. Помните, я постарался максимально уладить это недоразумение, поэтому, если вам что-то понадобится в полёте – например, хорошая компания, – обращайтесь прямо к первому помощнику капитана. Он сделает для вас всё, что в его силах.

– Благодарю вас, лэр, от всей души. Впредь буду внимательней в космосе.

Последовавший за разговором обмен поклонами выглядел со стороны вполне символично: прощание небесно-голубого и угольно-чёрного. Прощание чистого неба планеты и холодной черноты космоса. Лейтенант заспешил к новому своему транспортному средству, а капитан, прежде чем отправиться в гостеприимное здание космопорта, ещё несколько долгих секунд смотрел вслед молодому человеку. Что-то в душе космонавта подавало звуки грусти, словно там пела струна. Капитану было мучительно любопытно, куда приведёт путь этого благородного молодого человека. Не в ближайшие несколько недель, нет. Фенона интересовали совсем иные порядки цифр, он хотел заглянуть на двадцать-тридцать лет вперёд. Жизненный путь самого космонавта уже был расписан на многие годы, путь же молодого лейтенанта представлял для него девственно чистыми страницами судьбы. Эта-то предопределённость и заставляла душу капитана болезненно звучать, он белой завистью завидовал Раймону Ванге, у которого ещё всё было впереди.

Раймон тем временем всходил по трапу лайнера. В отличие от предыдущего космического корабля, этот впечатлял размерами и роскошью. Даже керамические плиты обшивки словно бы говорили своей белизной о яркости предстоящего путешествия. На контрасте с чернотой керамики большинства стоящих на поверхности планеты судов, это смотрелось особенно обещающе.

Сразу за сходнями взгляду офицера открылся роскошный холл. Алые ковры на полу, мягкая пульсация трёхмерных картин прямо посередине коридора. Такие картины невозможно было не заметить, и проходить следовало прямо сквозь них. В изображениях не было пошлости обычной рекламы, это были подлинные произведения искусства – компьютерной графики, выполненной лучшими художниками-конструкторами Империи. Когда лейтенант вступил на алую дорожку, он словно окунулся в лесную чащу. Алая нить тропы открывала взгляду самые разнообразные композиции, с участием диковинных деревьев, диковинных животных, цветов и трав. Всё это чудо двигалось, щебетало, благоухало – одним словом, было почти неотличимо от живого. Привыкший к серому однообразию казарм Академии, лейтенант особенно сильно ощущал пёстрое разнообразие виртуального мира.

Одна из композиций перед Раймоном явила собой женщину в обтягивающем изумрудно-зелёном костюме мягкого бархата. Роскошная копна огненно-рыжих волос, тонкие черты лица, острый носик – всё было просто совершенно, вызывало острое желание обнять, защитить волшебное создание. Дама с чарующей улыбкой гладила по шёрстке замершего перед ней земного оленёнка. Большие влажные глаза зверя отражались в столь же больших глазах женщины. Лейтенант, под впечатлением от увиденного, замер на несколько секунд, затем тряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение; ему это удалось, он скинул оцепенение и шагнул вперёд, собираясь пройти сквозь голограмму. Каково же было его удивление, когда вместо пустоты картинка встретила его упругим сопротивлением живого тела!

– Лэр, что вы делаете? – глаза женщины с недоумением воззрились на лейтенанта, его душу ожёг её бархатистый голос.

– О! Простите меня, лэра. Я принял вас за голограмму, – Раймон, быстро взяв себя в руки, попытался перевести случившееся в шутку.

– Неужели? – женщина смерила молодого лейтенанта оценивающим взглядом. При этом она явно осталась довольна увиденным, потому что тут же мило улыбнулась и добавила крайне любезным тоном. – Полагаете, я так хорошо вписалась в эту прекрасную сцену с оленёнком?

– Да. Наверное потому, что столь же прекрасны, – лейтенанта понесло. Нет, он не был бабником, как некоторые его сокурсники. Но и ангелом он не был, женщин любил, даже превозносил. Никогда не искал секса ради секса, однако задушевное общение с представительницей противоположного пола очень ценил.

– Вы очень любезны, лейтенант, – рыжая бестия потупила глаза, демонстрируя смущение. Вот только если бы мужчина мог заглянуть в эти самые глаза, он нашёл бы там что угодно, кроме смущения.

Ещё несколько реплик, обмен любезностями, и молодые люди последовали дальше уже вместе. За иллюзорным лесом взглядам пассажиров открылся обширный зал. Всё его пространство было уставлено аккуратными диванчиками, к которым были приставлены небольшие журнальные столики. Тут и там виднелись кадки с различными кустарниками, на этот раз вполне осязаемыми, живыми. Перед самым входом в зал в воздухе мягко колыхалась надпись, призывающая гостей присаживаться в ожидании, пока их проводят по каютам. Стоило молодым людям последовать рекомендации и примоститься под раскидистым кустарником с большими листьями, как к ним подбежал слуга. Он предлагал гостям различные прохладительные напитки.

Столь романтическая обстановка была словно специально создана для развития знакомства. Под раскованный щебет спутницы Раймон совсем расслабился; его больше не терзали сомнения, не грызла совесть из-за опоздания; в душе поселился мягкий пушистый комочек влечения. Женщину звали Ларисса Миллини, она оказалась путешественницей. Последние несколько лет Ларисса исследовала самые потаённые уголки галактики в поисках новых ощущений. Она оказалась просто неиссякаемым кладёзем всевозможных историй, которые с задорным весельем рассказывала офицеру. Тот, совершенно очарованный, в свою очередь рассказывал о курсантских буднях, то и дело вызывая у женщины смех очередной занятной историей.

Но вот на горизонте появился распорядитель. Он тактично проверил билеты дистанционным считывателем и предложил паре проследовать по стрелкам на полу до личных кают.

– Ларисса, могу ли я надеяться увидеть вас снова? – они стояли на перекрёстке; отсюда идущие вместе стрелки расходились в стороны.

– Конечно, Раймон! Без вас моё путешествие окажется слишком скучным, я его не переживу.

– Тогда давайте встретимся сразу после взлёта на том же самом месте.

– Вы имеете в виду ту чудесную поляну с оленем? – взгляд женщины светился лукавством.

– Нет, что вы. Вряд ли после старта эти картины останутся гореть. Я имею в виду тот диванчик и тот раскидистый куст, – лейтенант пропустил лёгкое подтрунивание женщины мимо ушей, то ли не заметив его, то ли сознательно проигнорировав.

– Хорошо. Только обещайте дождаться меня там!

– Обещаю.

Женщина стремительным движением приблизилась к офицеру. Заглянув тому в глаза, она подарила ему нежный поцелуй в щёку. Затем резко развернулась и поспешила прочь по стрелке. Ванга же ещё долго стоял, поглаживая место поцелуя: оно продолжало хранить тепло тела прелестницы, вновь и вновь обжигало его мятущуюся душу.

Ларисса буквально летела в свою каюту, настолько окрылило женщину удачное знакомство. Стоило автоматической двери закрыться за спиной, она устремилась к голографу. Пока

аппарат вызывал адресата, женщина поспешила поудобнее устроиться в кресле. Собеседница застала Лариссу клубочком свернувшейся в глубоком кресле, с поджатыми под попку ножками.

– Вижу, ты вся лучишься счастьем. Что-то случилось? – куда более строгая черноволосая собеседница предстала перед подругой в позе напряжённого ожидания. В отличие от рыжей бестии, женщина восседала на самом краешке креслица, нога на ногу, ладошки невинно сложены на коленях; но стоит заглянуть в её серьёзные тёмно-коричневые глаза, что так выразительно поблескивают из-под чёрных, густо накрашенных бровей, и первое ощущение восторга вмиг развеется, сменившись ожиданием подвоха.

– Я встретила отличного мальчика, Амелия. Он такой милый, доверчивый!

– Хватит ломать комедию, Ларисса. Ты уверена, что он нам подходит? – голос черноволосой выражал явное сомнение.

– Вполне. Офицер. Только что из Академии. Летит к месту своей первой службы. Отличник боевой и политической подготовки – кажется, так у них говорят? – она подмигнула собеседнице, вмиг становясь серьёзной.

– Ты ведь знаешь: этого мало. Нужен первоклассный боец. Нашего знакомого так просто не устранишь.

– Да ладно, подруга, за кого ты меня принимаешь? Он штурмовик. Лучший фехтовальщик курса. Его молодость вполне может побить опыт этого борова. Не находишь?

– Хорошо, – серьёзная дама позволила себе довольно улыбнуться. – Это, в самом деле, то, что нужно.

– А как твои успехи?

– Мы встретились. Он меня уже хочет. Намекнула про подругу, так он весь встопорчился, словно вышедший на «охоту» кошак.

– Сегодня ночью?

– Чего тянуть? Я готова.

– Я тоже. Не вижу смысла затягивать это сомнительное удовольствие. Лучше подольше поразвлекаться после. Мне тут определённо нравится. И лейтенант хорош, – Ларисса мечтательно закатила глаза. – Такой чистенький! Даже удивительно для штурмовика.

– Они все после Академии чистенькие, – проворчала брюнетка, – зато годик послужат, такими волчарами становятся...

– Да ладно тебе, не бухти. Неужели завидуешь?

Вместо ответа Амелия отключила голограф.

– Ну ты и бяка, подруга! – Ларисса потянулась, изогнувшись при этом всем телом. Её ладошка поползла в трусики, по пути лаская обнажённое тело. Внизу живота у женщины поселилось приятное тепло, мучительно хотелось, чтобы оно переросло в жар чего-то более конкретного. – Сейчас бы уже кувыркалась с этим милым мальчиком, если бы не твои планы. А так придётся самой утолять свой голод. Такие жертвы! А ты ещё голограф выключаешь посреди разговора. Я тебе это припомню, стерва брюнетистая!

Огромный зал буквально дышал обилием иллюзий. Водопад низвергал свои воды в озеро; водная гладь вставала на дыбы, принимая его воды; окутанная крупными брызгами, она терялась в белёсом тумане. Окружающие озеро деревья были свежи; они сверкали каплями влаги, в солнечном свете казавшимися огромными бриллиантами. Двое – мужчина и женщина – вели неспешный разговор на поляне, возле самой воды. Могло показаться странным, но с их места почти не было слышно шума водопада. Когда же разговор затихал, шум накатывал с новой силой. Подобного не встретишь в реальной жизни, обычно дикая природа не слишком податлива человеческой воле, чего нельзя сказать о созданной руками людей иллюзии. Столь же красивой, но совершенно ручной.

В женщине без труда можно было опознать Амелию Канди, что ещё совсем недавно беседовала со своей рыжей подельницей. Широкая в кости, черноволосая, она была облачена в подчёркивающее пышность форм обтягивающее платье до пола. Разрез от бедра делил длинную юбку на две половинки, и дувший со стороны озера ветерок соблазнительно перебирал ткань, то и дело обнажал стройные ножки. Мужчина был невысок, но коренаст; просторная рубашка не могла до конца скрыть осязаемый животик, но и мышцы она также не скрывала. Вообще вся повадка собеседника Амелии выдавала в нём если не бойца, то уж точно очень уверенного в себе человека; правда, уже немолодого. Он явно наседавал на красавицу, то и дело пытался поймать её в свои объятия, и женщина далеко не всегда пыталась ускользнуть из них. Чаще она уступала, позволяя собеседнику достаточно много лишнего для простого разговора. Но вот из иллюзорного леса показалось ещё одно действующее лицо – рыжие волосы и стройный стан делали её более чем узнаваемой.

– Эрик, позвольте представить вам мою подругу, Лариссу Миллини, – Амелия кивнула на подошедшую женщину.

Мужчина смерил Лариссу изучающим взглядом, и по тому, как расплылись в улыбке его губы, можно было понять, что он остался доволен увиденным. Они с рыжеволосой тут же обменялись короткими поклонами приветствия. Эрик было взял её за ручку, словно желая поцеловать ладонь, но вместо этого резко притянул женщину к себе, обнял, впиваясь страстным поцелуем в губы. Та сначала попыталась для вида сопротивляться, однако быстро опала в стальных объятиях.

– Тоже ищите приключений, лэра? – поинтересовался он, немного отстраняя от себя женщину.

– И найду! – Ларисса загадочно улыбнулась Эрику. При этом её ручка стремительно нырнула тому в брюки. Мужчине немалых трудов стоило её оттуда достать: релаксационный зал был не тем местом, где следовало переходить к интиму – слишком много посторонних глаз здесь было. Стоило ему немного отбиться от одной бестии, как в игру вступила другая. Под нажимом разгорячённых женщин незнакомец вынужден был пойти на попятную, и любовники, по пути теряя остатки приличий, устремились в каюту Эрика.

В обширной трёхкомнатной каюте тройка сразу проследовала в спальню, устлая свой путь различными элементами одежды. Мужчина швырнул на простыни брюнетку, с рыком набросился на неё. Рыжая не осталась в стороне; обхватила торс партнёра, стала ласкать его живот, грудь, в довершение всего впиалась в соски. Эрик взвыл, словно раненный медведь. Крики Амелии слились в единый стон. В порыве страсти женщина процарапала мужчине спину, Ларисса же, у которой причин извиваться от страсти было куда меньше, нежели у подруги, вогнула свой ноготок в образовавшуюся ранку. Эрик вздрогнул, попытался высвободиться, но женщины и не думали его отпускать. Боль быстро прошла, ей на смену пришла очередная вспышка страсти; волны эмоций вмиг погребли под собой всякие подозрения, заодно с остатками здравого смысла.

Чем дольше длились постельные утехы, тем больше Эрик возбуждался. Это было странным, невероятным, но ничто не могло принести ему утешения. Спустя четверть часа его уже буквально трясло, он ничего не соображал. Глаза застилала красная пелена. Только два женских тела имели значение. И ещё этот шёпот в самое ухо... Словно заклинание, он завоживал, ещё более лишая воли. Эрик даже не осознал, как одна из женщин поднесла ему его собственный персональный голограф. Мучимый нечеловеческой страстью, он выполнил совершенно не имеющую сейчас значения просьбу брюнетки приложить палец к экрану. Он готов был приложить палец куда угодно, лишь бы пришло наконец облегчение, лишь бы красная пелена спала, лишь бы удовольствие смогло перебороть животную страсть. Он произнёс и какие-то слова, которые обязательно хотели услышать женщины; хотели именно сейчас, во что бы то ни стало. Больше к нему с непонятными просьбами не приставали. Женщины велико-

лепно выполняли свою роль, в лепёшку разбивались, лишь бы принести ему столь вожаделенное удовольствие. Только через несколько часов он смог избавиться от возбуждения. Сотрясаемый какими-то невероятными спазмами, мужчина провалился в спасительное беспамятство.

Раймон уже весь извёлся в ожидании. Миновали все мыслимые и немыслимые сроки, но рыжеволосая красавица так и не появилась. Однако он помнил своё обещание. Если бы не оно, он, возможно, нашёл бы себе другое занятие, чем протирать сиденье диванчика под раскидистым кустом. А так, приходилось терпеливо сидеть, делая вид, что он всем доволен. Неожиданно чьи-то тонкие ручки нежно оплели его шею, над ухом зазвучало тёплое дыхание. Сопротивляться было глупо, Раймон позволил женщине себя обнять, и был вознаграждён мягким поцелуем в шею, под самым ухом.

– Спасибо, что дождался, мой рыцарь, – в самое ушко замурлыкала незнакомка. Впрочем, офицер уже понял, с кем имеет дело: его ожидание оказалось вознаграждено.

– Признаюсь, лэра, вы заставили меня понервничать.

– Так ведь это здорово! Чем томительней ожидание, тем слаще встреча. Вы должны меня простить за эти маленькие женские шалости.

– Я прощаю, – в голосе офицера невольно проскользнули хриплые нотки.

– И всё же я считаю себя несколько виноватой перед вами. Хочу искупить свою вину, – женщина уже вышла из тени, и теперь стояла прямо перед мужчиной. Такая соблазнительная, так близко, почти касаясь ног офицера своим платьем, она манила и завораживала. Разве что глубоко в глазах прелестницы Раймон разглядел следы старательно скрываемой усталости. – А знаете что? Пойдёмте танцевать?

Уговаривать дважды молодого человека не пришлось. Он подхватил протянутую ручку в алых полуперчатках, что были призваны не столько скрывать, сколько соблазнять, будить воображение мужчины. Красавица потянула штурмовика к одной ей ведомой цели. Они шли сквозь разнообразные залы, среди царящего здесь шума, веселья, сытого довольства. Именно в этой цветастой мишуре богатые путешественники вполне успешно топили своё праздное существование. Но вот и наши влюблённые достигли своей цели – погружённого в фиолетовую полутьму зала, где под мягкую задорную музыку кружились пары. Ещё через мгновение молодые люди утонули в хороводе разгорячённых танцем пар.

Пробуждение было невероятно приятным. По всему телу разливалась какая-то лёгкость, сознание было кристально чистым, словно вчерашние порывы страсти и нежности смыли с него всю усталость, вкупе с переживаниями от затянувшегося ожидания. Раймон сразу почувствовал тепло прильнувшего к нему женского тела. Он провёл ладонью вдоль спины подруги – ниже, ещё ниже, – наслаждаясь совершенством тела своей избранницы. Женщина зашевелилась во сне, потёрлась щекой о его грудь; в душе офицера начала набирать силу всепоглощающая волна нежности, готовая смыть пробудившийся было рассудок.

Сознание не успело рухнуть в пучины страсти, мужчину самым жестоким образом прервали: из прихожей послышались резкие звуки, заставившие натренированное на постоянное бдение тело изготавиться к бою. А ещё через мгновение комната стала наполняться людьми. Все в серо-серебряных полевых комбинезонах, в которых Ванга натренированным взглядом опознал форму охранителей². Вперёд вышел какой-то коренастый мужчина, в одной рубашке и брюках, без чётких знаков отличия. Он попытался бесцеремонно схватить за плечо зашевелившуюся у офицера на груди женщину. И схватил бы, если бы не рефлекс штурмовика. Тот сдвинул ладонь нагльца и болевым приёмом вывернул её так, что мужчина в рубашке весь скукожился и завыл от боли.

---

² Так в империи именуют служащих органов правопорядка.

– Что ты себе позволяешь? – просипел незнакомец.

Но Раймон не собирался отвечать на показавшийся ему бредовым в сложившейся ситуации вопрос: с такой наглостью он давно не сталкивался. Офицер был уже на ногах. В его руках сама собой возникла извлечённая из-под подушки силовая шпага. Воздух завибрировал, разрываемый белёсым лучом энергетического поля.

– Все вон! – рявкнул штурмовик последнее предупреждение.

Один из серых попытался что-то достать из складок комбеза, за что тут же поплатился: шпага неуловимым движением вспорола воздух, а с ним и плоть охранителя. Рука покатила по полу, служитель же правопорядка взвыл не своим голосом и рухнул без сознания от болевого шока.

Остальные охранители попятились назад. Зато зажатый в захват обидчик умудрился, воспользовавшись переключением внимания офицера, выскользнуть. Не обращая внимания на боль, он подпрыгнул и, описав в воздухе сальто назад, ударил Вангу ногой в лицо. Удар был силён. Штурмовик закачался, невольно выпуская зажатую в захват руку.

– Ты сейчас умрёшь, щенок! – противник был поразительно спокоен; он не столько угрожал, сколько констатировал факт. В его руках уже колыхался воздух от раскрывающегося в узкий клинок энергетического лезвия.

Один из серых быстро сориентировался и выудил из складок своего одеяния портативный бластер. Охранитель уже было вскинул его для выстрела, когда лейтенант поднял вверх шпагу и прокричал ритуальную фразу.

– Оскорбление и кровь! Я требую немедленного ответа от вас, лэр. Кровью.

Услышав формулу Дуэльного уложения, серый несколько поумерил свой пыл; даже как-то по-новому взглянул на неожиданного противника.

– Вы офицер? – почти утвердительно поинтересовался он.

– Раймон Ванга, лейтенант императорского флота.

– Хорошо. Это ваше право, – серый отдал короткий приказ своим, и охранители стали столь же бесшумно, как до того нагрянули, покидать помещение. Небольшая заминка возникла лишь с раненым бойцом.

– Офицер? – мужчина в рубашке нахмурился. – Тебя тоже окрутила эта сучка?

– Не смейте оскорблять женщину, лэр. Я заставлю вас взять слова обратно, или выплюнуть извинения вместе с кровью.

– Не пори горячку, парень. Я Эрик О`Гранди, секторальный наместник Императора. Ты даже не представляешь, с кем связался.

– Ваш статус не даёт вам права сыпать оскорблениями, лэр. Защищайтесь! – Раймону надоел этот разговор. Особенно после полного отчаяния взгляда, который на него кинула его женщина: рядом с таким взглядом меркли все титулы и заслуги противника.

– Как знаешь... – пожал плечами наместник.

Мужчины закружились по комнате, обмениваясь ударами. Воздух между ними буквально стонал, сотрясаемый белёсыми энергетическими полями шпаг. Выпады, прыжки, увороты – всё смешалось в единую паутину боя.

Силовая шпага – страшное оружие. Его невозможно заблокировать даже металлом, только специальными защитными сплавами или другим силовым полем. По сути это – направленное определённым образом силовое поле, которому придана весьма экзотическая для полей форма длинного плоского лезвия. Естественно, ничего из того, что могло бы помочь дуэлянтам в бою, кроме собственно самих шпаг, у них под рукой не оказалось. Можно было швырять мебель, можно было кидать друг в друга тряпки, но энергетическое лезвие легко разрубало все эти предметы. Да не просто разрубало, а раскидывало половинки в стороны, так что попасть предметом в достаточно опытного противника было почти невозможно. Поэтому дуэлянты рассчитывали только на свою собственную ловкость и верный клинок.

Сначала удача была на стороне Раймона. Несколько хитрыми ударами он умудрился почти продавить защиту противника, так что тому пришлось отпрыгнуть в самый угол. Здесь штурмовик надел на Эрика со всей своей молодецкой энергией и силой. Однако наместник был заметно опытней. Он легко отводил самые изощрённые удары, выжидая, пока более сильный, но менее опытный противник выдохнется. Спустя несколько минут работы бездумной молотилкой, Раймон начал злиться. Злиться на себя, злиться на противника, злиться на своих учителей, – всё это было логичным следствием горячности, присущей молодости. Эрик только этого и ждал. Пользуясь закипающей злостью противника, он дождался особенно сильных ударов, в которые штурмовик вложил бы всю свою злость и силу, и контратаковал с невероятной ловкостью и стремительностью. В считанные секунды уже Раймон оказался зажат в углу. На его руке чернел глубокий порез; даже не порез, а скорее срез – наместник срезал ему часть мышцы на левой руке.

После удара силовой шпагой не идёт кровь, она сразу запекается из-за чудовищных температур на режущей кромке поля. Зато и боль бывает чудовищной, как от ожога. Раймон выдержал удар, выбивший из него лишь короткий полустон. При этом он не потерял не только силы, но даже координации. Вот только всё его геройство уже не имело никакого значения: наместник чётко знал, какую именно часть плоти следует отрезать дальше, чтобы лишить своего более молодого противника способности держать удар.

Всё это время Ларисса провела на кровати. Она сидела на корточках, заслонившись покрывалом почти до самых глаз, и в состоянии чудовищного напряжения наблюдала картину боя. Из-под покрывала виднелись только её глаза, сосредоточенный взгляд которых выхватывал каждую мелочь, каждый нюанс схватки. Она быстро поняла, что лейтенанту сейчас придётся несладко. Женщина откинула покрывало в сторону, больше не стесняясь наготы – если, конечно, стеснялась ранее. В её ладони возник вибронож. Не иначе, из-под той же подушки, что и шпага лейтенанта. Нож был армейский, действовавший на тех же принципах, что и силовая шпага, только с укороченным силовым полем. Она не стала бросаться вперёд, не стала красться. С отчаянным криком: «Раймон! Нет!» – она просто метнула своё оружие, рассчитывая если не попасть, то уж точно отвлечь противника лейтенанта. Однако планам женщины не суждено было сбыться. Едва клинок отправился в полёт, комната озарилась вспышкой серебристого света. В глазах мошенницы, которая в последний момент успела понять, что происходит, вспыхнули страх пополам с отчаянием. Скованная другим полем, куда более сильным, чем силовые игрушки в руках бойцов, комната быстро погружалась в стазис.

Раймон пришёл в себя рывком. Вот он видит скользнувший сквозь защиту клинок наместника, понимает, что ничего сделать просто не успевает, и вдруг всё, провал. Следующий кадр показал уже совсем иную картину. Они с наместником просто стоят друг напротив друга, держа руки в тех же положениях, что и в момент удара, только в них уже нет силовых шпаг. Ощущая себя совершенно по-дурацки, лейтенант опустил руки. Эрик последовал его примеру. Они переглянулись. Штурмовик понял и ещё одно: злости больше не было, она осталась в предыдущем жизненном кадре.

– Это был стазис, лэр лейтенант, – наместник сориентировался быстрее офицера. Только после его слов Ванга вспомнил странную вспышку, вспомнил уроки по преодолению стазис-поля. Для этого нужно было сразу после вспышки включить специальный блок в броне высшей защиты. Опоздаешь на доли секунды – всё, каюк. Ещё можно использовать силовую шпагу в режиме силового поля. Правда, она выдержит лишь пару секунд, затем попросту потеряет всю энергию. Да и брони хватит ненадолго. И дело не в технологиях, всё куда банальней: энергия против энергии. Стазис-поле очень энергоёмкая конструкция, поэтому его можно преодолеть только ещё более мощным энергетическим выбросом.

– Вижу, – коротко бросил Раймон. – Вот только кто применил боевую разработку в гражданском космофлоте?

– Я, уважаемые лэры, – прозвучал голос откуда-то справа.

Мужчины повернули головы в сторону говорившего. За небольшим журнальным столиком в аккуратном креслице сидел незнакомец в полевом комбинезоне чёрного цвета. «Флотский», – тут же подумал лейтенант. Знаки отличия были на месте, так что Ванга легко опознал в говорившем заместителя капитана корабля по вопросам внутренней безопасности, в просторечии, «безопасника». Ему подчинялись все местные охранители.

– По какому праву вы остановили дуэль? – Раймон был не столько зол, сколько удивлён, даже растерян: никогда ни один преподаватель в Академии не говорил о подобной возможности. Уставы также молчали на этот счёт.

– Дуэль? Нет, лэры, я остановил убийство лэром заместителем молодого и неопытного лэра офицера. Кроме того, я остановил убийство лэра заместителя лэршей Лариссой Миллини.

Первая фраза заставила лейтенанта недовольно насупиться. Вторая заставила Эрика О'Гранди напрячься.

– Это был честный бой и честная смерть! – рявкнул штурмовик.

– Что заставило вас, лэр, увериться в угрозе моей жизни? – вторил ему заместитель.

Обе фразы были сказаны одновременно, так что слились в сплошную какофонию звуков. Безопасник поморщился.

– Лэры, давайте будем вести себя как цивилизованные люди. Присаживайтесь, мы поговорим, я отвечу по порядку на все вопросы. Затем, если вы вдруг пожелаете продолжить смертоубийство, вот ваше оружие, – незнакомец указал на столешницу, где, в самом деле, лежали две силовые шпаги и вибронож. – Если вы будете настаивать, я даже готов вернуть в помещение лэру, которая в настоящий момент по моему приказу препровождена в карцер. Она поможет вам создать нужный антураж смертоубийства, вернуться, так сказать, к истокам.

Лейтенант недовольно набычился, но всё же сел на свободный стул. Заместитель садился с куда большим энтузиазмом, цепким взглядом он отметил лишний клинок на столе и уже видел ответ на свой вопрос.

– Отлично, лэры. Ни на секунду не сомневался в вашем благоразумии: по опыту знаю, оно всегда возвращается к мужчинам, когда рядом нет женщин. Так что вы должны меня простить за изоляцию вашей причины раздора.

– Поближе к делу, лэр безопасник, – Раймон не собирался спускать охранителю его чрезмерно ироничный и уверенный в себе тон.

– Как вам угодно, лэр Ванга. Начну с того, что я здесь не столько даже по служебной необходимости, сколько из-за своего обещания лэру Кларку Фенону: именно меня он просил помочь вам в случае нужды. Кроме того, меня также попросили обеспечить безопасность лэра секторального заместителя. Попросили очень убедительно, из Администрации Императора. Так что, лэры, я просто не мог не вмешаться, да простят меня за это боги и авторы многочисленных императорских Уставов.

Слова безопасника заставили обоих драчунов взглянуть на него по-новому.

– Ну, раз это была воля Императора...

– Ну, раз дело в Кларке...

Поразительно, но мужчины опять заговорили одновременно, чем привели в недоумение опытного охранителя.

– Я вижу, лэр заместитель не держит на лэра лейтенанта зла. Это отрадно, – начал он издали.

– Простите, лэр лейтенант, у меня в самом деле нет к вам никаких претензий. Наша дуэль произошла из-за моей несдержанности в отношении женщины, как справедливо заметил лэр...

– Кларк Далин, к вашим услугам, лэры.

– Рад знакомству, лэр Далин.

– Вы готовы извиниться, лэр наместник? – лейтенант уловил в словах оппонента то, что было для него единственно важно.

– Естественно. Я не должен был действовать столь импульсивно. Нужно было потребовать официального разбирательства. Сожалею и приношу вам свои извинения, лэр офицер.

– Ваши извинения нужны не мне, а даме, лэр наместник, – впрочем, лейтенант сказал это больше для проформы.

– Вы не знаете, что она со мной сделала. Мне не за что перед ней извиняться. Только перед вами, за то, что ненароком втянул вас в эту грязь, лейтенант.

Раймон попытался было снова набычиться, но вмешался безопасник.

– Знаете, лэры, разрешите мне быть судьёй в вашем споре.

Оба кивнули, хотя Ванга сделал это без особого восторга, наместник же и вовсе с открытым безразличием.

– Так вот, на правах судьи предлагаю следующую комбинацию. Мы проводим расследование, и если оказывается, что лэра Миллини ни в чём не виновна, лэр О`Гранди приносит ей извинения. Если же оказывается, что она сама заслужила подобное обращение, то уж извините, лэр Ванга, но тогда лэр О`Гранди был в своём праве. Вас устроит такой вариант?

Раймон задумался. Он относился к женщинам очень трепетно, для него поведение наместника было просто вопиющим, недопустимым. С другой стороны, всякое могло быть. После своих недавних приключений он уже не знал, что правильно, а что нет, поэтому не спешил делать окончательные выводы. Кларк словно почувствовал его сомнения, и уже собирался было надавить ещё более, однако наместник его опередил.

– Я понимаю ваши чувства, лэр офицер. Когда-то я сам был таким же, но сейчас мне шестьдесят три, и трепетное отношение к женщинам в прошлом. Я на своём собственном опыте убедился, что они ничем не лучше мужчин, местами же значительно хуже. Они порочны, развратны, любят играть на чувствах, втираться в доверие. При этом считают, что за одно право ими обладать мужчина должен положить к их ногам весь мир. Да, бывают исключения, но они редки. Гораздо более редки, чем можно было бы думать, глядя на поведение многих женщин на публике. А ещё очень многие женщины с годами портятся, что ли. Вот была она милой, нежной, отзывчивой, доверчивой. Проходит несколько лет замужества, и перед вами уже жестокая и расчётливая фурия. Опыт, что ли, с ними это делает? Не знаю. Просто не спешите принимать на веру то, что они вам говорят; то, во что они пытаются вас заставить поверить. Часто ими движет крайне эгоистичный мотив, лэр Ванга. Мужчины друг с другом гораздо честнее, даже умудрённые опытом.

– Позвольте добавить, лэр О`Гранди, – вмешался безопасник, когда наместник затих, погружившись в собственные воспоминания. – Я даже могу назвать причину, по которой с женщинами происходят все эти метаморфозы. Они, в отличие от мужчин, не могут защитить себя силой и словом так, как это могут делать мужчины. Они вынуждены приспособливаться. Они подобны политикам, только в куда более мелких сферах жизни. Они играют окружающими, играют на чувствах, на нервах. Пользуются своим положением слабого пола, эталом женщины, который сидит в каждом мужчине. И чем женщина умней, тем виртуозней она учится пользоваться своим положением Женщины. Она выпрашивает подарки, выпрашивает ласку, даже стравливает мужчин между собой. Кстати, именно последнее в данном случае и произошло. Чтобы окончательно убедить вас, лэр Ванга, в моих благих намерениях, готов продемонстрировать вам запись одного разговора.

Кларк не стал ждать одобрения, он просто запустил персональный голограф на воспроизведение. Раймон слушал разговор Лариссы и Амелии. Слушал, и понимал, насколько точно всё описал безопасник. Нет, его отношение к женщинам не стало враз менее трепетным; про-

сто в его голове зашевелились правильные мысли. Как минимум, он осознал, что сегодняшняя дуэль произошла на пустом месте. Однако кое-что всё так же не давало ему покоя.

– Хорошо, лэр Далин, лэр О’Гранди. Я понял, что меня, скорее всего, использовали. Но как можно останавливать дуэль? Мне никогда никто не говорил о такой возможности. За вмешательство в дуэль обоим дерущимся следовало бы убить разнимающего, как обидчика обоих. Но останавливать...

– О! Нет ничего проще, лэр офицер, – заулыбался безопасник. – Уставы ничего не говорят об остановке дуэли не просто так. Это специальный пробел, призванный разделить дуэль и голые эмоции. Когда люди дерутся на эмоциях, ничего хорошего из этого обычно не выходит. Они убивают друг друга, зачастую, даже не разобравшись, кто прав, в чём истинная причина драки. Это недопустимо для цивилизованных людей, для элиты Империи. Дуэль должна происходить на совершенно холодную голову, когда обоим отчётливо видно, что другого пути разрешить конфликт просто не существует. Например, когда налицо преступление, которое невозможно доказать официальными методами. Дуэль также не должна становиться поводом для убийства. Именно хладнокровного преднамеренного убийства. В прошлом так часто и происходило: кто-то хотел найти благовидный способ лишить другого жизни, в том числе из корыстных соображений, и находил – в виде дуэли. Вы должны знать судьбу одного поэта, которая стала нарицательной в своё время, когда разрабатывался дуэльный кодекс. Поэтому на службу охранителей возложена обязанность следить за чистотой дуэли. Исключить всякую голую корысть и буйность природы. Только ущемлённая честь может оправдать дуэль. И только тогда, когда действительно нет иного выхода. Полагаю, лэр наместник знает это в силу жизненного опыта, вы же ещё слишком молоды, лэр лейтенант, поэтому когда-то это должно было случиться впервые.

– Значит, в дуэли куда больше условностей, чем принято говорить?

– Да. Дуэль касается только привилегированного сословия Империи. А у него есть свои секреты самосохранения. Всё просто. Обывателям не нужно знать об этих секретах. Иначе подобные Лариссе Миллини легко смогут вершить свои грязные делишки, скидывая концы в воду через дуэль.

Что ж, Раймону было о чём задуматься. «Кто бы мог подумать, я ещё только еду к месту своей первой службы, а уже столько всего случилось! Оказывается, я не знал и десятой доли всего, что есть в этом мире, не знал, как он на самом деле устроен. Нужно впредь быть аккуратней», – такие мысли бродили в голове офицера. Однако вслух он сказал совсем иное.

– Спасибо вам за беспристрастность, лэр Далин. Если честно, мы в Академии всегда относились к безопасникам несколько свысока. Оказывается, совершенно напрасно: вы делаете очень важное дело.

– Вот слова мудрого человека! Вы далеко пойдёте, лэр Ванга. Главное, и впредь старайтесь учиться на чужих ошибках, а не на своих.

– Когда же вы приступите к расследованию, лэр Далин? – наместник был настроен куда более практично, нежели молодой лейтенант.

– Расследование уже идёт, как вы могли только что убедиться из продемонстрированной записи. В настоящее время мой помощник – очень опытный в деле допроса – как раз ведёт с лэррой Лариссой беседу. Полагаю, очень скоро мы всё узнаем. Женщина настроена против своей подельницы, мы их постараемся столкнуть лбами.

– Надеюсь, вы не будете использовать слишком жестокие методы? – сердце Раймона мучительно сжалось, когда он представил, как к хрупкой красотке применяют даже первую степень допроса.

– Ну что вы, право! Конечно, нет. Мы же не военные, а она – не противник. Наша практика допросов сильно отличается от принятой на флоте. Только факты и эмоции. Загнать в угол в разговоре, вывести на эмоции – вот наши методы. Вы можете быть спокойны за психику

лэры Миллини. Да, кстати. Мы даже можем предложить ей, что её отдадут к вам на поруки. Не возражаете?

– Это будет правдой?

– Если вы, после того, как ознакомитесь с материалами дела, сочтёте возможным взять её на поруки, то – безусловно. Всё будет зависеть от вашего беспристрастного решения. Если вы сочтёте её способной исправиться под вашим... влиянием, мы пойдём на это, – безопасник уже неплохо изучил своего оппонента, поэтому прекрасно видел: узнав правду, он разочаруется в женщине; будучи же человеком чести, однозначно признает, что она не подлежит исправлению, а потому не станет пользоваться возможностью дальше продолжать отношения. Как можно продолжать отношения с такой гадюкой?! Правильно, только если хочешь ею попользоваться, то есть если сам такой. Лейтенант же таким не был. По крайней мере, пока. Гипно-методики Академии работали превосходно, делая офицеров образцом добродетели. Многие, даже столкнувшись с тяготами и несправедливостью реальной жизни, сохраняли заложенный в Академии стержень. – Ну а теперь, лэры, раз мы разрешили все недоразумения и определили дальнейшие направления работы, предлагаю пройти ко мне в каюту. Самое время выпить за знакомство. И лэр Ванга, сразу вижу ваши сомнения, но хочу уверить, что мои люди проследят за тем, чтобы вы сошли в правильном космопорте. Беру всю ответственность на себя.

Раймон вынужден был согласиться. Он уже понимал, что по-другому у служилых людей просто не бывает, выпивка – своего рода традиция. Как ему сказал чуть позже безопасник, она ещё и способ разрядки после психологически тяжёлых будней. Мол, сам ещё прочувствуешь, как сложно работать с людьми, да ещё и отвечать за всяких раздолбаев!

Хорошие и плохие

Кларк Далин выполнил своё обещание: он, в самом деле, помог лейтенанту не пропустить свою остановку. Раймон понял это, когда пришёл в себя и не увидел привычных по кораблю сплошных стен с редкими голограммами, имитирующими окна. Зато всё вокруг было буквально залито светом. Ни с чем не сравнимый солнечный свет, одновременно и освещающий и согревающий тело и душу, просто невозможно сымитировать. Что-то в нём было, в этом настоящем солнечном свете. Что-то, что когда-то дало человечеству жизнь, развило в нём особые органы чувств, которые позволили создать уникальную систему знаков – язык. Смогли бы люди при других условиях развить столь бесценный кладёз знания, его сохранения, передачи другим, преумножения? Поди, попробуй записать звуки примитивными орудиями! А вот рисунки, которые можно воспринимать только благодаря зрению, то есть способности улавливать отражённый свет – пожалуйста.

Конечно, мысли Раймона не шли так далеко – сам он ощущал солнце на уровне рефлексов. Сейчас он мучительно пытался вспомнить, как именно его высаживали на планету, но даже на это у него не хватало ресурсов организма. В какой-то момент память просто отказала, настолько много яда скопилось в крови. Алкоголь. Всеми виной был алкоголь. Без малого неделя на лайнере прошла в сплошном алкогольном бреде. То и дело мелькали картинки каких-то женщин, мужчин; неизменным в них было лишь лицо его нового товарища – секторального заместника Эрика О’Гранди. Всё время пути они пили вместе. Изредка к ним присоединялся Далин, но у того были свои дела, он находился при исполнении. Конечно, были и моменты просветления. Так, штурмовик не забывал заниматься физической подготовкой: после пробуждения проходил разминочные комплексы, махал силовой шпагой – с тем же заместником; занимался сексом – с кем, правда, помнил смутно; но форму не терял, и то хлеб.

По всему выходило, стоянка пришлась как раз на период бессознательного существования. Его, скорее всего, просто сгрузили в космопорту. А если его сгрузили, значит, он сейчас должен находиться в комнате отдыха; почти наверняка в зоне для военных. Раймон порадовался, что может ещё делать логические выводы, и в очередной раз запретил себе пить. Правда, он уже давно решил для себя не пить, когда находится при исполнении, или когда есть какой-то небольшой шанс, что ему понадобятся навыки и ясная голова. Но случаев выполнить это своё обещание ему пока что не выпадало. На жизненном пути новоиспечённого офицера упорно встречались только военные и прочие служащие Императора, да ещё и в условиях, максимально отдалённых от боевых.

Раймон потянулся, скинул одеяло; одним плавным движением оказался на ногах; провёл несколько ката, проверяя координацию движений. Всё было в норме. Значит, он спал достаточно, чтобы молодой сильный организм перемолол всю попавшую в кровь гадость. Это было отрадно. Следующим действием офицер проверил личные вещи, которые нашлись в прикроватной тумбочке и стенной нише. «Раз есть стенная ниша, значит предположение о военной зоне верно», – сделал ещё одно важное умозаключение лейтенант. Он уже успел отметить, что такие вот ниши, привычные ему по казарменной жизни в стенах Академии, на гражданке почти не встречаются. Здесь их заменяет разнообразная мебель – чересчур разнообразная, на взгляд Раймона. Он никак не мог взять в толк, зачем нужно столько сил тратить на выдумывание всевозможных предметов интерьера, да ещё и в разных исполнениях, разных форм и расцветок. Это просто не укладывалось в его голове, настолько было чуждо здравому смыслу и привычному образу жизни офицера.

Чтобы окончательно определить своё местонахождение, Ванга подошёл к окну. Пластобетона взлётного поля он не увидел, что, собственно, ещё ни о чём не говорило, зато он увидел вдалеке город. Первые домики расположились на сравнительно небольшом расстоянии от

космопорта, в зоне, разрешённой аккурат для такой низкой застройки. Раймону приходилось изучать основы имперского градостроительства. Правда, как это ни странно прозвучит, для целей, обратных градостроительству, скорее – для градоразрушения. Поэтому он доподлинно знал, что рядом с космопортом не должно было быть высоких строений. Их отсутствие подтвердило и тезис лейтенанта о пребывании именно в здании космодрома.

«А что мне дают эти два тезиса вместе? Правильно, ни хрена не дают. Что-то меня потянуло на размышления. Проще надо быть. Как учил наш специалист по выживанию, мол, если ползает и живёт на кислородной планете, значит съедобно. Если нахожусь в человеческом здании, значит, здесь есть средства коммуникации. Средства коммуникации ответят на все вопросы с максимально достижимой скоростью. В моём случае быстрее, чем сами вопросы появляются», – короткая проверка письменного стола тут же обнаружила на нём систему управления голографом. Через несколько секунд Раймон уже знал, что находится на планете с откровенным названием Инструкция. У лейтенанта сегодня разыгрался не только разум, ещё и воображение дало о себе знать; он, словно воочию, увидел сцену поименования планеты.

Пара первооткрывателей вылезла из маленького кораблика дальней разведки. Меньше всего им хотелось переться куда-либо, их мучило тяжёлое похмелье от вчерашнего «торжественного» момента – момента «первооткрывания». Один отошёл от корабля, но только затем, чтобы опустошить мочевой пузырь. У другого не нашлось душевных сил, чтобы предупредить товарища о возможной опасности враждебной флоры и фауны. Потоптавшись возле корабля, первооткрыватели переглянулись.

– Ну что, пошли спать? – спросил более раскованный первый.

– Нет. Мы не закончили дела на поверхности, – с нотками пафоса в голосе возразил второй.

– Ну так отлей, чего ждёшь? Я уже свои дела закончил, – не унимался первый.

– По Инструкции мы должны как-то назвать её.

– Кого?

– Открытую планету.

– Разве есть такая инструкция?

– Есть.

– Б... как болит голова! А ещё ты с этой инструкцией... Да пошла она... Пусть будет Инструкция. Как хочешь, а я пошёл спать.

Второму ничего не оставалось, как отправиться следом. Для борьбы с враждебной флорой и фауной учёный был мало приспособлен, а основной боец как раз исчезал в недрах исследовательского корабля. Еле передвигая ноги, сутулясь, горе-исследователь побрёл вверх по трапу, твердя про себя, словно заклинание: «Инструкция, инструкция, параграф, инструкция. Да катись оно всё, в самом деле! Инструкция, так Инструкция!»

Раймон даже ощутил некое сродство с этими мифическими первооткрывателями: глубоко символично было оказаться на планете в таком же состоянии, как и эти герои. Но нужно было заниматься делами насущными. «Мой рейс! Б... Через час после прилёта лайнера должна была стартовать та яхта... Как её?... «Чёрная длань», – какой-то гражданский чиновник согласился подвезти его до следующей точки пересадки. – Ну и замашки у этих гражданских! Откуда? Я думал, только военные называют свои игрушки так по-дурацки, и этот туда же. Дурной пример заразителен. Сколько же я проспал? Нужно срочно запросить информацию!» Запрос в информаторий космопорта подтвердил его самые безрадостные предположения: «Чёрная длань» стартовала ещё вчера вечером, а сейчас уже 14.33. То есть прошли почти целые планетарные сутки. Попытаться догнать шустрюю яхту было делом бесперспективным, нужно было искать новый корабль.

– Лэр лейтенант, повторяю: никаких рейсов в нужном вам направлении в ближайшие три дня не будет. Через три дня стартует «Прогресс», но там вам нужно будет договариваться самостоятельно, это коммерческий борт, следующий транзитом.

– Уважаемый, здесь пара световых лет до точки – это соседняя звёздная система, – и вы хотите сказать, что не поддерживаете с ней регулярного пассажирского сообщения? – лейтенант никак не мог поверить в подобную бессмыслицу.

– Нет, не поддерживаем. Сейчас. – Начальник космопорта наклонился вперёд и доверительно продолжил. – Так обстоят дела последние несколько месяцев. Однако до этого перелёты действительно были ежедневными, грузопоток составлял тысячи тонн в день.

– Причина? – уже понимая, что именно услышит в ответ, спросил для проформы Ванга.

– Пираты, лэр офицер. От них стало не протолкнуться на подступах к соседней системе. Они грабят всё, что только попадает в пределы солнечной гравитации.

– А флот?

– Это я у вас хотел бы спросить, лэр. Именно вы представляете на нашей планете Императора, так почему флотские всё никак не зачистят сектор?

– Не могу знать, – весь апломб лейтенанта мгновенно сдулся. Он стал мучиться тем же вопросом, невольно принимая упрёк гражданского на свой счёт.

– Ладно, не принимайте близко к сердцу, лэр, – сжалился над озадаченным военным начальник космопорта. – Флотские ведут только им известные игры, пока же они могут нам предложить лишь конвой. «Прогресс» как раз будет следовать к месту сбора торгового каравана, туда же должно прибыть какое-то подразделение Флота Зори. Поговорите с коммерсантами, они должны вас взять... хотя бы до точки встречи с конвоем.

Понурившись, офицер брёл прочь от административной зоны космодрома. Ему придётся потерять целых три дня, потерять совершенно бессмысленно, бездарно. Что ему стоило отнестись к полёту более ответственно и сойти с лайнера в подобающем состоянии? Тут же разыскать того гражданского чиновника и отбыть к месту назначения ещё сутки назад? Да ничего не стоило! Наместник мог пить и в одиночестве, ничего бы с ним не случилось. Такие мысли бродили в голове Раймона Ванги, когда путь ему преградил военный комендант космопорта.

– Лэр лейтенант! Как вы себя чувствуете? Вижу, значительно лучше, чем при нашем первом знакомстве, – здоровяк с улыбкой подмигнул офицеру.

– Здравия желаю, лэр комендант. Не припомню, чтобы мы с вами встречались.

– Ещё бы! Вы тогда плохо помнили себя, чего уж говорить про окружающих. Да ладно вам, с каждым бывает, не расстраивайтесь, – офицер заметил состояние Раймона и списал его на счёт последствий бурного полёта.

– Не уверен, лэр комендант, что с каждым, – что-то в словах офицера заставило Раймона отнестись к нему со всем возможным доверием, даже позволило излить душу. – Корабль, который должен был меня доставить в следующую точку маршрута, уже отбыл. Другого пока нет, и в ближайшие несколько дней не будет. Меня быстрее под трибунал отдадут, чем я доберусь до точки назначения.

– Вот в чём дело... – мужчина задумался. – Я постараюсь вам помочь. Следуйте за мной.

Раймон со всем возможным доверием отнёсся к словам старшего по званию, а значит и более опытного, офицера. Он даже несколько приободрился, и бодрился аккуратно до тех пор, пока они не прибыли в конечную точку маршрута. Лейтенант сначала побледнел, затем позеленел; его замершее соляным столбом тело просто физически не могло переступить злополучного порога – перед офицером, прямо над полом, горела голографическая вывеска: «Бар-ресторан космопорта Звёздный».

– Лэр командор, боюсь, вы не так меня поняли, – выдавил из себя Раймон Ванга. В душе лейтенанта поселился какой-то предательский комочек, означающий то ли здравый смысл, то ли банальную панику.

– Что именно я не понял? – недоумённо вопрошал комендант.

– Лэр, я дал себе слово не пить при исполнении. Сейчас же я в каком-то смысле нахожусь при исполнении, по крайней мере, пока не сяду на нужный мне корабль. Вы меня понимаете?

Командор коротко хохотнул, после чего припечатал своей огромной ручищей лейтенанта по спине.

– Да не будем мы пить, лейтенант! Всё нормально. Просто нужно поговорить кое с кем.

У Раймона словно камень с души свалился. Он тоже хохотнул, только как-то сдавленно, неестественно. Градус взаимопонимания между спутниками тут же скакнул на невообразимую высоту, они проследовали внутрь бара-ресторана едва ли не друзьями. Питейное заведение с энтузиазмом поглотило военных; только мигнули проекции голографических реклам у входа.

Внутри царила атмосфера праздника, сновали улыбающиеся приклеенными улыбками официанты, пировали в ожидании своих кораблей гости. Тут и там сбивались шумные компании. Возле одного такого стола с субтильным субъектом в компании пары весёлых толстяков они остановились.

– Край Дейнова? Ты ли это?

– Это я, – хмуро бросил субтильный субъект, с явной неохотой отрываясь от кружки пива. Однако стоило ему рассмотреть неожиданных визитёров, как лицо мужчины расплылось в подобострастной улыбке. – Командор! Рад вам. Присоединяйтесь. Пиво... или, знаю я вас военных, чего покрепче? Угощаю.

– А что это ты всех угощаешь направо и налево? Никак разбогател? – деланно удивился здоровяк, но приглашение принял. Они с лейтенантом уселись на предложенные стулья.

– Да ну, какое богатство... С этой пиратской блокадой Астории одно разорение. Только и хватает на очередной пропой, лэр комендант, – Дейнова снова понурился.

– Что, совсем забросил полёты?

– Нет, конечно, иногда выбираюсь. Выгода стала ещё выше, аккурат как и риск.

– Когда думаешь уйти в рейс?

– Не знаю ещё. Говорят, через пару дней начнёт собираться караван. Вот с ним и полечу, наверно.

– Значит, груз у тебя уже есть?

– Трюмы битком, комендант. Только и жду подходящего момента.

– Считай, он настал, Край. Вот этот лейтенант летит в Асторию с важной миссией, его негласно будут сопровождать флотские. Возьмёшься?

– Ты редко меня о чём-то просишь... Говоришь, надёжное охранение?

– Риск всегда есть, даже если идёшь с конвоем. Флотских могут отвлечь, они могут отстать – в общем, всякое бывает. Он, кстати, сам по себе хорошая боевая единица – офицер-штурмовик. Если нарвётесь на пирата, вывернет наружу его самого.

– Да ладно!

– Серьёзно. Знаешь, как их готовят? Ты же видел штурмовиков в деле – тогда, на Междуречье, – неужели забыл?

Край по-новому взглянул на молчавшего доселе лейтенанта. Сам же Ванга слушал коменданта и шалел: ради него тот толкал капитана на самоубийственную затею. Зачем? Впрочем, у него должен быть свой резон, не стоит лезть в дела старших по званию, когда они определяют твою судьбу – можно только дать компетентный совет. Однако здесь и сейчас Раймону нечего было сказать. Ему оставалось лишь неопределённо повести плечами.

– И, это... Край, лучше не иди по пути конвоя, обойди сектор стороной.

– Не учи учёного, комендант, – капитан резко встал, зашатался, но устоял. Своим товарищам он лишь коротко бросил. – Пошли, парни. Лэр лейтенант, отбываем через три... нет, четыре часа. Не опаздывайте.

Стоило капитану скрыться в дверях, Раймон насел на командора.

– Зачем вы солгали этому гражданскому, лэр?

– Я не лгал, – набычился офицер. – Вы же штурмовик? Тогда что за вопросы? Если пираты нападут, будете драться так, как учили. Только дайте мне слово, что не оставите капитана.

– Разве с караваном ему не будет безопасней?

– Нет. По статистике процентов десять кораблей в караване не доходит до места назначения. Пираты знают путь следования или могут его восстановить по общему направлению движения. Они готовятся к встрече загодя. Зато никому даже в голову не придёт искать одинокий маленький кораблик накануне отбытия конвоя где-либо, кроме как в самом караване.

– Я плохо разбираюсь в космических пиратах, лэр командор, полагаюсь на вас. Чего мне следует ожидать?

– Максимум, на что вы нарвётесь – это какой-нибудь залётный бандит на хлипкой лоханке. Основные силы будут поджидать караван. Если нарвётесь, ваша задача сведётся к банальному захвату корабля противника. Он отпора не ждёт, будет расслаблен. Просто сделайте то, чему вас столько учили, лэр – большего не потребуется.

– Даю слово вытащить капитана во что бы то ни стало, лэр командор. Никогда не забуду вашей поддержки; если понадобится, вы всегда можете на меня рассчитывать.

– Не стоит меня ни за что благодарить, лэр лейтенант. Вы думаете, для чего я сижу в этом космопорте?

– Следите за порядком среди военных, – пожал плечами Раймон.

– Ну, ну... Как весомо вы это сказали: «ЗА ПОРЯДКОМ»! А по жизни – одна грязь: солдат оборзевших гоняю, офицеров пьяных с рейсов принимаю. Разве это тянет на смысл жизни? Мы, офицеры, не можем без смысла; Академия оставляет свой след в голове навсегда. Вот я и придумал свой смысл: по мере сил помогать другим офицерам. Космос большой, проблем у всех много; но сам Император при всём желании не сможет уследить за всеми нами, его сынами, вот и приходится брать на себя часть его ноши. Чем не великая миссия? Так-то. А вы говорите: «За порядком»...

Офицеры раскланялись. Напоследок комендант показал, где и как найти кораблик Края Дейновы, и отбыл по своим делам. Лейтенант в глубокой задумчивости ещё долго смотрел вслед командору. Поразительно, он даже имени его не знал, тот же помогал лейтенанту, словно давнему знакомому. Недаром среди офицеров бытует поговорка: все под одним Императором ходим.

Корабль Края Дейновы оказался до смешного маленьким. Нет, не так. Корпус корабля был вполне себе приличных размеров, какими обладает любой средний транспортник, а вот свободного пространства внутри оказалось в обрез. Капитан оказался сверхпрактичным человеком, поэтому так организовал внутренне пространство своей кормилицы, чтобы практически всё свободное место можно было занять товаром.

Моторный отсек с одной стороны, рубка управления – с другой, плюс – крошечная каютка на четыре койки с минимумом удобств; минимальная система жизнеобеспечения, работающая на готовых картриджах, без громоздких ёмкостей с клеточными культурами для выработки кислорода; ни грамма лишнего горючего, никаких тренажёров или комнат для поддержания тела в тонусе; вместо объёмного резервуара для воды пачка гигиенических полотенец. Даже вакуумный клозет совмещён с рубкой управления, так что аккурат над унитазом расположен один из обзорных экранов. Одним словом, всё на корабле было заточено для неболь-

ших перелётов в соседнюю систему, без какого-либо существенного запаса хода. А ещё всё на корабле было буквально пропитано коммерческим духом. Раймон невольно вспомнил уроки истории, где говорилось о бесчеловечных способах перевозки людей в колонии на ранних этапах освоения космоса. Тогда в криогенные камеры укладывали целые штабеля «путешественников». Был даже особенно изощрённый способ, когда человека морозили в камере, а затем перекладывали в специальное помещение с более-менее сопоставимыми с камерой условиями; естественно, укладывали штабелями, сколько возможно вместить. И столь же естественно, выживали далеко не все, а лишь те, кому повезло больше, или кто был здоровей от природы.

Несмотря на эти перегибы, хозяин корабля внешне казался мужиком респектабельным, адекватным и даже местами интеллигентным. Однако его нормальность заканчивалась, как только заходила речь о коммерческой выгоде: здесь Дейнова становился непреклонным, даже жестоким. Никаких премий своей команде он не давал, никаких поблажек не делал. «Как потопаешь, так и полопаешь» – был его девиз, который он озвучивал при каждом удобном случае. С лейтенанта он взял, как за билет на первый класс лайнера, вот только никаких дополнительных удобств предлагать и не собирался. Впрочем, и сам Ванга избалован роскошью не был, поэтому смотрел на некоторую жлобливость своего извозчика сквозь пальцы. Ему было глубоко безразлично, в каких именно условиях ехать – главное, чтобы побыстрее. Ему уже порядком надоело это изрядно затянувшееся космическое путешествие. Хотелось прибыть в точку назначения и заняться, наконец, тем самым делом, к которому его готовили столько лет.

Команда Края полностью соответствовала бережливости капитана. Её составляли всего два человека: техник Блэк и навигатор Браун. Штатные же должности суперкарга, первого помощника и пилота занимал сам капитан. Разве что навигатор, помимо прокладки курса, время от времени занимался корабельными автоматическими системами. Оба толстяка были закадычными друзьями, и большую часть времени пропадали в машинном отделении. Как-то раз Раймон застал их там за довольно необычным занятием: друзья играли в настольные игры. У них был припрятан специальный голографический терминал, моделирующий несколько игр в стиле фэнтези. Космические волки поддались на очарование средневекового фэнтезийного антуража! Некоторое время лейтенант наблюдал за увлечёнными игрой космонавтами, и, в результате, не нашёл ничего лучше, чем присоединиться к ним. Спустя несколько часов он даже начал понимать, почему эти серьёзные люди с таким азартом стремились уйти от реальности в игру. В отличие от реальности, они там оказывались индивидуальностями, они там значили что-то, могли даже дойти до состояния личного всемогущества. В реальной же вселенной человек с выходом в космос окончательно утратил всё индивидуальное, превратился в привод гигантского колеса космического монстра – человечества. Личный подвиг перестал что-либо значить; в реальности космическую экономику могли толкать только целые конгломераты планет, государств, организаций, и уже затем – людей. Об этом ему поведал техник Блэк, подтвердив его собственные познания в социологии. Его в Академии так и учили, только добавляли про исключительность Императора и офицеров, которые одни должны развивать в себе личность; им это нужно для того, чтобы нести на себе всю тяжесть многотриллионной империи, уметь правильно судить, быть образцами для подражания. Раймону ещё предстояло понять, так ли это на самом деле, но то, что в отношении простых обывателей истина верна, не вызывало у него никакого сомнения.

Одним словом, первый день пути прошёл очень содержательно, лейтенанта даже потянуло на философствование. Второй день также начался вполне сносно. Раймон всё же нашёл место для разминки – в проходном коридоре, соединяющем машинное отделение с рубкой управления. Затем было время еды. Космонавты питались прямо в каюте, сидя на своих койках; питались примитивными пищевыми брикетами, капитан даже не удосужился разориться на пищевой синтезатор. После завершения нехитрых обязанностей членов команды, они поспешили к игровому столу; на этот раз лейтенант присутствовал с космонавтами с самого начала

игры, даже сам выбрал себе персонажа – эльфа лунника. Начались передвижения по полю, бои с монстрами, ожесточённые споры, интриги и сговоры. Раймон настолько втянулся в игру, что не на шутку разозлился, когда его лучника убил хлипкий колдун Брауна. И всё дело оказалось в лучшем знании правил более опытным в игре навигатором! Офицер не любил проигрывать, причём явно более слабому противнику, поэтому чуть было не вступился за честь своего эльфа в бою с «хозяином» колдуна. Брауна спасла случайность: неожиданно взвывла тревожная сирена, голос капитана потребовал всем на корабле немедленно проследовать в рубку управления.

Дейнова сидел в своём роскошном кресле-коконе. Кокон был открыт, значит, он сейчас не пилотировал корабль, лишь выполнял функции капитана.

– Лэры, к нам приближается неопознанный корабль. На запросы не отвечает, во всех диапазонах кричит, что «свой». Мне нужны ваши прогнозы.

Навигатор уселся за свой пульт, механик сел на место помощника. Лейтенант посмотрел по сторонам, не нашёл больше ни одного стула, поэтому присел на краешек вакуумного кловзета, аккуратно под обзорным экраном, где яркой звёздочкой горел приближающийся аппарат.

– Капитан, корабль идёт параллельным курсом. По расчётам, он должен пройти в километре от нас через три часа сорок две минуты одиннадцать секунд. В настоящее время он находится со стороны кловзета... простите, кормы, – взволнованный навигатор сообщал, в общем-то, очевидные для всех сведения. Даже лейтенант со своего нестандартного сидалища сразу заметил точку корабля и оценил её направление движения.

– Это вы метко подметили, лэр навигатор: именно со стороны кловзета. Только я бы добавил, что это не он идёт с той стороны, а мы рискуем там оказаться при его приближении. Не уверен, что живыми. Вы же знаете, лэры, что делают пираты с командой?

– Отправляют в кловзет, – прошептал вмиг побледневший механик. – Утилизируют за ненадобностью.

– Совершенно верно, лэр Блэк. У них есть свои собственные специалисты, мы им для транспортировки НАШЕГО корабля не нужны. Предложения?

– Предлагаю утилизироваться самим, так сказать, добровольно, – пошутил навигатор. – Это нам могут зачесть при поимке.

– Не вижу ничего смешного, Браун, – механик, как и капитан, не оценили чёрного юмора оптимистичного толстяка.

– Ещё предложения, лэры?

– Можно дать дополнительную нагрузку на двигатель... – по интонации было видно, что механик не уверен в своих словах.

– Двигатель уже на пределе нагрузки. Или вы хотите предложить?..

– Именно, капитан. Сбросим часть груза.

– Да, капитан, – поддержал товарища навигатор. – По расчётам, мы должны успеть первыми до точки прыжка.

– Да клал я на твои расчёты! – взъярился Дейнова. Его аж трясло. – Предлагаешь выбросить груз? Я лучше тебя выброшу, мне от этого никакого убытка не будет. Как ты говорил? Утилизироваться? Проведи расчёты: в случае утилизации вас с механиком есть ли у нас шансы оторваться?

Лейтенант скрипнул зубами. Его просто возмутила жадность капитана.

– Край, вы забываетесь. Члены команды – не ваша собственность.

– Не надо меня учить, лэр Ванга. Если бы они были моей собственностью, я бы ещё подумал, сейчас же они – самое ненужное из всего, что есть на корабле. Заметьте, он сам предложил, я его за язык не тянул. Вы же не будете этого отрицать?

Навигатор побледнел. Однако расчёты произвёл.

– Этого мало, капитан. Я и без расчетов мог это сказать.

– Нет. В расчетах не заложены клозет, кровати, личные вещи, лишние картриджи питания, системы жизнеобеспечения, экономия по горючему.

– Капитан! Вы забываетесь! – повысил голос Раймон Ванга. Он навис над худосочным торгошом, стремясь не дать тому захлопнуть кокон.

– Я забываюсь?! Вообще-то это мой корабль, лэр. И отойдите от кокона, он не закроется, когда рядом посторонний.

– Я знаю, Край. Именно поэтому не позволю вам совершить глупость.

– У вас есть другие варианты?

– Я штурмовик. Когда они пристыкуются, я перейду на их корабль и, пока вы будете отвлекать призывную команду, произведу захват.

– У вас есть средство передвижения в пустоте?

– Что, простите?

– Я говорю, что не пущу никого на свой корабль. Это исключено. Делайте, что хотите, но только не впутывайте меня в ваши игры. Разрешаю вам даже взять скафандр, если очень нужно. Только под вашу ответственность и с залогом его стоимости.

Раймон не стал больше выслушивать бред капитана, он просто припечатал тому в висок кулаком, ровно настолько, чтобы не убить, но вывести из строя. Дейнова со вздохом отключился.

– По праву старшего офицера на корабле я беру командование на себя. Есть возражения?

– Нет, лэр штурмовик, – навигатор с опаской покосился на кулачищи лейтенанта. Дураков возражать после столь весомого аргумента не нашлось.

– Нет, лэр штурмовик, – вторил ему техник. Его настроение сразу скакнуло на невообразимую высоту. – Когда к нам прибудет ваше охранение?

Лейтенант скривился. Он не собирался обманывать этих людей.

– Охранения нет, лэры. Нам следует рассчитывать только на себя.

– Но ведь лэр комендант...

– Ситуация изменилась.

– Тогда что нам делать? – вопрошал приободрившийся было навигатор.

– Действовать по моему плану.

– А если нас... того? – провёл по горлу неугомонный Браун.

– А может, всё же скинуть часть груза? – вторил ему Блэк.

– Не может. Исполнять приказ, лэры. Поможете пиратам сортировать груз, тем самым задержите их, затем...

Ли Абрамович наблюдал за слаженной работой своей команды. В этот момент он ощущал себя самым настоящим охотником, загоняющим дичь. Не было ничего более приятного, чем это чувство уверенного превосходства над хлипким торговцем. Оставалось только дожать его. Ещё желательно было не дать тому повода выбросить часть груза – замучаешься потом собирать. Поэтому пират почти уравнивал скорость со скоростью торговца, опережая того лишь на четверть – ровно настолько, чтобы дать тому иллюзию шанса. Зато, приблизившись на тысячу километров, пират резко начал манёвр ускорения. Всё в корабле Абрамовича было стандартным, со стороны он казался таким же транспортником, только двигательная установка была иной. Собственно, именно благодаря ей Ли мог называться пиратом. Ну, ещё и команда у него была не совсем стандартная, она включала в себя десяток хорошо вооружённых бандитов – абордажную команду. Одним словом, каждый ведёт бизнес по-своему. Ли даже иногда шутил, что он находится изначально в таких же условиях, как и прочие коммерсанты. «У нас же равенство возможностей, – говорил он с ухмылкой. – Кто ж виноват, что я лучше подготовился? Мы запросто могли бы оказаться в прямопротивоположных условиях. Наверняка этот торговец уклоняется от уплаты налогов, и обирает тем самым моё государство, а заодно и меня, как

честного налогоплательщика и верноподданного». Абрамович даже не догадывался, насколько точными были эти его метафоры в попытке оправдать себя в своих собственных глазах. Пока его собственная призовая команда с шутками и прибаутками готовилась к лёгкой добыче, на корабле торговца одинокий человек, императорских офицер, готовился к такой же прогулке на борт пирата. И что-то подсказывало, что именно его уверенность в своих силах была в этот раз куда сильнее энтузиазма десятка разношёрстных бандитов.

По приказу Абрамовича торговец, без лишних вопросов, лёг в дрейф: экипаж явно хотел жить, поэтому пытался выкупить свои жизни ценой груза. «Что ж, их ждёт сильное разочарование. Главное, чтобы клозет на корабле не был сильно засран. Не хочу пихать части от расчленённых членов команды в собственный: лишняя масса мне тут ни к чему. Моим орлам ещё срать и срать, сколько мы ещё будем мотаться по этому грёбаному космосу?!» – с такими мыслями Ли переходил во главе призовой команды на борт торговца.

Одиннадцать человек в легко бронированных скафандрах шли прогулочным шагом, совершенно не ожидая сопротивления. Корабль не стал бы впадать в дрейф, если бы команда собиралась огрызаться. «Сдрейфили они, одним словом», – вслух пошутил пират, вызвав дружный хохот поделщиков. Короткий осмотр посуды подтвердил мысли капитана, однако нашлось и нечто, вызвавшее его недоумение.

– Кэп, я попытался попасть в кают-компанию, а там...

– Что? Кто-то забаррикадировался?

– Нет, хуже. Там всё забито какими-то мешками. Я только открыл дверь, как они на меня посыпались. Еле выбрался из-под завала, – докладывал один из двух атаманов, командир первой пятёрки.

– А у тебя что, Эрик? – спросил капитан у второго атамана, командира второй пятёрки.

– В капитанской каюте ящики. Я не смог пробиться дальше первого ряда, они напиханы под самый потолок. Даже не представляю, как они умудрились их туда поставить. Словно кто-то забаррикадировался изнутри.

– Так проберись! Ты что, совсем нюх потерял? Атаман херов! А если там что-то ценное, и мы это что-то упустим? Давай, работай, нечего тут ошиваться, пока сказать нечего.

Атаманы прыснули в разные стороны, не желая получать очередного нагоняя от скорого на расправу капитана. Призовые команды начали выполнять совершенно непривычное для них дело – растаскивать мешки и ящики. Бойцы глухо роптали, им хотелось кого-нибудь прирезать, а не заниматься этой дурацкой работой. Они резонно полагали, что смогли бы заняться ею и в порту, не для того же они шли в открытый космос, чтобы и здесь таскать тяжести?!

Ли был растерян: никогда раньше он не сталкивался с ТАКОЙ жадностью торговца; он даже присвистнул, отдавая тому должное. Пират был верующим человеком, поэтому невольно проникся некой мистичностью происходящего, и даже отправил головорезов проверить машинное отделение: а вдруг и двигательные установки заменены на складские помещения, и корабль движется на одной только воле и жадности капитана? Когда же члены команды захваченного корабля сообщили, что капитан хотел выкинуть их за борт, но не расставаться с товаром, уважение пирата к торговцу и вовсе скакнуло на невообразимую высоту. «Надо предложить ему должность суперкарга. Такими кадрами не стоит разбрасываться, – думал Абрамович, разглядывая качественно вырубленного своей же командой Края Дейнову. – С другой стороны, мои головорезы не потерпят такого обращения, как эти жирные свиньи. Нет, не сойдемся. Нужно его первого в клозет. Кстати...» Проверка ёмкости клозета поставила Ли в ещё один тупик: его ёмкости не хватит даже на одного капитана, чего уж говорить про всю команду. Воистину, жадность торговца не знала границ.

Начали поступать и другие доклады. По мере получения новой информации, пират всё более мрачнел: по самым скромным прикидкам в его корабль не входило и трети «захваченного» груза. Чтобы засунуть хотя бы половину, требовалось переселить абордажную команду

в каюту, равную по площади тому единственному жилому закутку на захваченном корабле. Это сулило если не откровенный бунт, то уж недовольство команды наверняка. Плюс, абордажники обозлятся на основную команду, которая окажется в лучших, чем они, условиях, не говоря уже про претензии к самому капитану с его роскошной персональной каютой. Можно, конечно, занять товаром и свою собственную каюту, вот только решение это очень неоднозначное. Тем самым капитан может запросто лишиться уважения команды. Голая психология: персональная каюта подчёркивает статус капитана, его недоступность для простых абордажников. Стоит пойти у обстоятельств на поводу, и всё, уважение сдулось. Брать же треть – означало окупить только расходы на вылет, без какого-либо профита. Опять же, абордажники не поймут, если капитан не заплатит им долю от захваченного в рейде. Наконец, даже если дать им эту долю, сработав в убыток, её мизерность опять вызовет брожение в команде. И вся проблема в том, что груз треклятого транспортника имел ценность только своим количеством, но никак не качеством. Абрамович начинал потихоньку закипать, его охватывала самая настоящая паника: давненько пират так не попадал. Проще всего было вообще отказаться от груза, лишь распотрошив электронику и механику корабля. Тоже сомнительный доход, но хоть что-то. Последним ударом по спокойствию капитана стал вызов с его собственного корабля.

– Борт вызывает капитана Абрамовича.

– Что надо?! – гаркнул озверевший космический волк кавказской национальности с еврейской фамилией. Он настолько разъярился, что даже не заметил незнакомых интонаций в голосе вызывающего. Ли хотелось на ком-нибудь вывернуться, и первой жертвой он решил сделать своих самых уязвимых подчинённых – технических работников.

– Говорит новый капитан корабля, лейтенант императорского космофлота Раймон Ванга. Предлагаю провести переговоры по обмену трофейными бортами.

У пирата отвисла челюсть. Он силился что-либо выговорить, но никак не мог собраться с мыслями, настолько сильным оказался удар штурмовика по и без того расстроенной психике космического волка. Наконец, Ли удалось собрать в кучу уплывающее сознание, и он смог сдавленно выдавить из себя.

– Кто ты такой, чтобы диктовать условия?

– Для тебя должно быть важно не кто говорит, а что нужно сделать, чтобы провести обмен, пират. Мне без разницы, на каком корабле лететь.

– У меня твоя команда, – быстро смекнул Ли. Пожалуй, пленная команда оставалась его последним козырем.

– А у меня твоя, – холодно припечатал лейтенант.

– Я убью твоих товарищей.

– Я буду глубоко сожалеть об их смерти и сдам твоих товарищей из команды в руки имперского правосудия.

– Ты!.. – пират буквально задохнулся от гнева, и ляпнул первое, что пришло ему на ум. – Негуманен для офицера.

– Не тебе учить меня гуманизму, пират, – последнее слово штурмовик буквально выплюнул. – Во мне сейчас борется два моральных долга. Один – перед Империей. Я давал присягу охранять её от такой швали, как ты. Второй – перед этими людьми, которые взялись доставить меня до точки. Мне сложно выбрать, что важнее, поэтому я предлагаю выбирать тебе, пират. У тебя десять минут на раздумья, после чего я начинаю зачистку транспортника.

Завершив свой ультиматум, лейтенант отключился. Абрамович же застыл, как вкопанный, в тщетной попытке переварить услышанное. Ему. – ЕМУ! – Смел угрожать какой-то лейтенант! Флотский не говорил про бегство, он именно угрожал! Пират начал лихорадочно думать. Первым делом он вызвал своих атаманов. Они сначала не хотели верить в его слова, и только авторитет капитана в их глазах заставил бандитов принять горькую действительность.

Посоветовавшись, предводители решили начать штурм своего собственного корабля, оставив пока команду торговца в живых – так сказать, на крайний случай.

Первая абордажная группа из четырёх человек и атамана заняла позиции по бокам от шлюзовой двери торговца, ощетинившись импульсными лазерами повышенной скорострельности. Убойные дуры, почти в метр длиной и весом в добрых семь килограмм намертво перекрыли все сектора обстрела в коридоре. Однако стрелять пираты не спешили, слишком велика была вероятность повредить стыковочный узел. Они готовились стрелять вглубь своего корабля, рассчитывая подавить противника огнём.

Вот, под прикрытием первой группы, вперёд выдвинулась вторая. Первая тут же открыла огонь. После короткой артподготовки, четвёрка пиратов второй группы под предводительством атамана с воинственными криками ринулась по соединительному рукаву к вождельной двери шлюзового отсека своего корабля. Штурмовик позволил первому пирату перешагнуть шлюзовую дверь, и уже затем рубанул силовой шпагой. Слабо бронированный скафандр не смог оказать какого-либо сопротивления концентрированным силовым полям убийственного оружия. Пират рухнул, разрубленный от головы до паха. Ванга бил из-за угла, не спеша выходить на открытое пространство, бил по диагонали. Остальные члены второй группы не успели вовремя затормозить, они серой массой ввалились в шлюзовую камеру собственного корабля, где их тут же накрыла белёсая смерть в облике полупрозрачного клинка силовой шпаги. Пираты пытались отстреливаться, но в давке попадали друг в друга. Ещё и запаниковавшие бойцы первой группы открыли беглый огонь в самую кучу-малу. Лейтенант же, невидимый из-за полевого костюма-хамелеона, продолжал сеять смерть среди ворвавшихся в корабль пиратов. Он стремительной тенью перемещался от стены к стене, каждый раз срубая одного из бандитов, мечущихся возле дверного проёма. Коридор наполнился криками и стонами умирающих людей, эти душераздирающие вопли резали по слуху товарищей, засевших в шлюзе торговца. Опытные головорезы морщились от этих криков, их буквально коробило от жестокости творящейся сейчас на пиратском корабле бойни. Однако они сами ничего не могли поделать, бежать следом за товарищами было бессмысленно.

Считанные секунды длилось это избиение. Последним его аккордом стал силовой клинок, отсекающий голову ползущему по полу с отрубленными ногами пирату. Респиратор позволял лейтенанту не чувствовать запаха горелого мяса от смертоносных ударов силовой шпаги, склизкой вони от выпущенных кишок, тяжёлого терпкого запаха крови. Сам Ванга словил лишь один выстрел от нападающих, и один по касательной от огня прикрывающей группы. Оба попадания погасило персональное силовое поле военной формы.

– Эй, пираты! У вас десять секунд, чтобы попытаться снова. Иначе я закрываю шлюз.

Ответом на предложение лейтенанта была звенящая тишина. Только один из головорезов сдавленно выматерился, пытаясь снять психологическое напряжение от кровавой бойни. Спустя ровно десять секунд двери шлюза действительно начали закрываться. С методичностью неживой автоматики бронированные заслонки поползли навстречу друг другу. Один из пиратов не выдержал, вскочил в полный рост и стал палить в сужающееся отверстие. Оттуда ответили только один раз. Одиночного выстрела оказалось достаточно, чтобы навсегда успокоить расшалившиеся нервы бойца; безвольным кулем тот упал к ногам более выдержанных товарищей. Абордажники переглянулись. Атаман только покачал головой, признавая мастерство неожиданного противника.

Выслушав доклад атамана, Абрамович неожиданно успокоился. Для него жизни этих ребят не имели большого значения, значение имел лишь авторитет в их среде. Убийство полковника абордажников решало практически все проблемы, которые могли возникнуть в связи с вынужденной сдачей своих позиций. Капитан больше не боялся потерять авторитет. Он прекрасно видел глаза атамана, видел понурые лица его товарищей. Всё это однозначно говорило: бойцы не станут его осуждать за слабохарактерность, ведь они сами только что её проявили.

Трое головорезов, каждый из которых имел за спиной сотни трупов, были вне себя от жестокой расправы над их товарищами! И они признали поражение от одиночки. – Одиночки! – Воистину, неизвестный лейтенант умел обращаться с головорезами гораздо лучше Ли Абрамовича.

– Предлагаю здесь и сейчас принять решение – решение совета команды, – капитан решил взять быка за рога. – Я...

Договорить Абрамович не успел, алый луч лазера оставил в его лбу аккуратную дырочку в три миллиметра диаметром. Этого оказалось достаточно, чтобы капитан замолчал навсегда. Остальные головорезы стали падать один за другим, срубаемые плоскостными полями силовой шпаги. Самого же штурмовика никто из них так и не увидел, его маскхалат-хамелеон, вкупе с чёткими и выверенными перемещениями между пиратами, отработали чётко, без единой осечки. Пираты так и не смогли осознать своей фатальной ошибки: они не удосужились закрыть шлюзовую камеру захваченного торговца. Им просто в голову не могло придти, что треклятый офицер, вместо того, чтобы остаться за закрывающейся шлюзовой дверью пиратского корабля, аккуратно переползёт в кишку перехода между кораблями и, дождавшись ухода основных сил, начнёт обещанную зачистку торговца. Максимум, до чего они додумались – это оставить одного бойца на посту возле открытой шлюзовой двери. Но от него оказалось мало толку, впрочем, с отсечённой головой не очень-то и повоюешь.

Раймон отключил силовые поля формы, выключил подпитку плоскостей силовой шпаги. Кровь и прочие части тел, что ещё секунду назад медленно сползали по выпуклостям полей, резко опали на пол. Сам же лейтенант остался посреди частей тел совершенно чистым, словно и не было двух эпизодов страшной бойни, унёсшей жизни одиннадцати пиратов. Он только покачал головой, поражаясь халатности этих головорезов.

Сначала он, конечно, был крайне осторожен – когда только входил в пиратский корабль. Однако первым звоночком для него стало отсутствие в оснащении пиратов детекторов движения или тепла или, что неизмеримо хуже, детекторов энергии силовых полей. Прошедшие внутрь транспортника бандиты даже не посмотрели в сторону притаившегося под самым потолком, аккуратно над шлюзовыми дверями, штурмовика. Впрочем, увидеть его в маскхалате без этих технических средств было невозможно, так что произошедшее можно было списать на банальное техническое превосходство лейтенанта. Дальше – больше. Двери шлюзовой камеры пирата не были закрыты, равно как и внутренние переборки. Те же, что оказывались закрыты, открывались от лёгкого касания рукой зоны на переборке, справа от двери. Так Раймон дошёл до рубки управления. Здесь «боевое» дежурство несли пилот в коконе и навигатор за пультом. Почему «боевое» взято в кавычки? Да потому, что оба пирата банально точили лясы, рассказывая друг другу пошлые анекдоты. Кокон, естественно, был открыт. Лейтенанту хватило двух точных ударов, чтобы лишиться сознания этих раздолбаев. Они даже опомниться не успел, как оказались связаны и помещены в обнаруженную Раймоном рядом с рубкой пустую каюту. Туда же вскорости отправились и стрелок с техником. Первый нашёлся в своей каюте, второй – в машинном отделении. Если первый попытался оказать сопротивление, когда увидел открывающуюся дверь, то второй вообще ничего не видел: он был мертвецки пьян и банально спал в обнимку с терминалом управления двигательной установкой. В общем, пофигизм и разгильдяйство пиратов подсказали лейтенанту единственно правильную тактику, которая и сработала на все сто. Пиратов нужно было разозлить, подтолкнуть к опрометчивым действиям; они были слишком уверены в своём превосходстве, посему легко клюнули на крючок собственной ярости. Раймону оставалось только подсечь, то есть встретить абордажную группу на входе, и полностью деморализовать пиратов кровавой бойней. Дальше предстояло самое сложное – недопустить уничтожения гражданских. И здесь опять на руку лейтенанту сыграло пиратское разгильдяйство.

Ванга не торопясь проследовал в рубку управления. Связанные члены команды были свалены здесь же, в углу, аккуратно возле клозета. Лейтенант аккуратно перерезал силовые пути своей шпагой, после чего начал раздавать приказания.

– Лэры, первым делом вам придётся убрать трупы пиратов и почистить коридоры нашего корабля. Дальше у меня будут персональные поручения каждому члену команды. Блэк, установите двигатель пирата в режим резонанса. В это время Дейнова и Браун займутся расчисткой капитанской каюты от ящиков. Нужен квадрат четыре на четыре метра.

– Куда мне тогда ставить эти ящики? На корабле больше нет места, – капитан всё не желал верить в самую возможность расстаться с частью груза.

– Перенесите их на пирата или выбросьте за борт – на ваш выбор. Можете, если ценность товара в ящиках столь велика, поставить их вместо какого-то другого груза.

– Как вы смеете?! Я капитан, это мой груз.

– Как хотите. Если вы не поселите на этот корабль пленных пиратов, я сообщу об этом в отчёте командованию космофлота. Вы не обладаете полномочиями судить, лэр, сомневаюсь, что вы после такого решения останетесь на свободе.

Дейнова заскрипел зубами. В его душе боролись жадность и здравый смысл.

– Мне кто-нибудь компенсирует убытки?

– Безусловно. Пленные пираты, которым вы предоставите место на корабле.

– Они мне заплатят?

– Не уверен, что сразу. Однако вы вправе будете подать против них жалобу в администрацию космопорта.

– Эта волокита займёт несколько месяцев!

– Вы также можете подать в императорский суд за причинённый вам моральный вред. Насколько мне известно, ваша жалоба будет рассматриваться в рамках уголовного дела против пиратов, им назначат наказание и обяжут выплатить вам деньги.

– Ну-ну. За пиратство положена смертная казнь, кто мне после их смерти станет платить?

– Край, вы забываетесь. Я представляю на корабле императора, моя задача – обеспечить законность и порядок. Не желаете поступать мудро и призывать к ответу пиратов – ответите сами. Вы – капитан, вам принимать окончательное решение. Я не могу вас подменить, могу только вам рекомендовать.

Однако спору попутчиков не суждено было завершиться чьей-либо победой. Корабельный компьютер выдал на центральный экран проекцию некоего корабля, после чего электронный мозг доложил.

– Получен запрос максимального приоритета. Необходимо немедленное участие капитана в переговорах.

– Воспроизвести звуковой ряд сообщения для общего обозрения, – приказал Дейнова.

– Борт 191 735, немедленно сообщите цели своего пребывания в условно боевой зоне. Повторяю. Борт 191 735, немедленно сообщите цели своего пребывания в условно боевой зоне. Вам даётся пять минут на передачу данных бортового журнала, в противном случае корабль будет досмотрен принудительно.

Капитан стремглав кинулся к кокону. Спустя пару минут он вылез оттуда совершенно озадаченный.

– Лэр лейтенант, это космофлот. Они требуют деталей инцидента, не верят, что не мы его инициаторы.

– Вас подозревают в пиратстве, лэр капитан?

– Да.

– Переключите связь на меня, – с этими словами Ванга улёгся в пилотский кокон вместо капитана.

Разговор с флотскими оказался коротким. Раймон просто передал свои персональные данные, зашифрованные в электронной части офицерского удостоверения, сообщил направление следования, кратко доложил детали инцидента. В ответ ему передали опознавательные коды боевого корабля и приказали не предпринимать никаких действий до прибытия специалистов.

Специалисты не замедлили явиться. Пришлось разрывать шлюзование с пиратом, после чего на корабль высадилась десантная группа. Десяток штурмовиков в тяжёлой броне быстро облазали оба корабля, доложились на крейсер. Следом прибыли технические специалисты. Они уже занялись более детальным изучением ситуации. Раймон сразу обратил внимание, что флотские общаются не столько с капитаном корабля, сколько с ним самим. Капитан тоже обратил на это внимание; он весь как будто сдулся, поскущел, утратил былую упёртость по отношению к своему грузу. Дейнова всем нутром чувствовал, что ходит по краю, посему только рад был переходу инициативы к лейтенанту. В довершение всего старшина штурмовиков принёс лейтенанту приглашение проследовать на борт крейсера; неформальное приглашение, раз оно было передано не по каналам связи, а через живого человека. Раймон не стал взвешивать все «за» и «против» – ему было любопытно побывать на борту серьёзного корабля, выполняющего боевую задачу. До этого вся его практика была крайне специализированной, завязанной на десантирование. Постоянные штабные игры также проходили не на реальных боевых кораблях, для них достаточно было имитаторов-тренажёров. Так что лейтенанту было банально любопытно, хотя умом он и понимал, что на реальном корабле вряд ли будет нечто, чего не нашлось бы в имитаторах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.